

INSPIRIA

Вот Так

Соседка

18+

САРАЯ УИЛСОН

INSPIRIA

Сурсак. Девушка в поиске

Сарая Уилсон

Вот так соседка

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уилсон С.

Вот так соседка / С. Уилсон — «Эксмо», 2020 — (Cupcake.
Девушка в поиске)

ISBN 978-5-04-164129-0

Поссорившись с богатыми родителями, Мэдисон принимает решение: хватит жить за их счет. А заодно порывает с женихом, который не раз заставлял ее страдать. Простая жизнь и работа учительницей оказываются не самым страшным, что случалось с Мэдисон, но вот поиск жилья — та еще головная боль. И тут Мэдисон подворачивается удобный вариант — некий Тайлер готов поселить у себя горничную, чтобы она убиралась и заботилась о его собаке, пока он в разъездах. Мэдисон без ума от Тайлера, но он ведет себя с ней отстранено. А она только и делает, что портит его вещи... И, конечно, как только Мэдисон кажется, что, возмо-о-ожно, лед в их отношениях тронулся, в ее жизнь снова вмешиваются жених, родители и еще парочка интриг, которые грозят обернуться настоящей катастрофой. Отзыв редактора: Уверена, проблемы главной героини отзовутся в сердце каждого. Потому что так иронично и в то же время проникновенно описывать повседневность — дорогого стоит. В этой истории есть что-то от Бриджит Джонс и от Золушки наоборот, но сюжет уводит гораздо дальше от романтических сказок. История выглядит очень современной. Лучшая романтическая книга года по версии Amazon. «Эта книга — настоящее удовольствие». — Publishers Weekly

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-164129-0

© Уилсон С., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	33
Глава шестая	38
Глава седьмая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сарая Уилсон

Вот так соседка

Sariah Wilson

Roommaid

Copyright© 2020 by Sariah Wilson

© Рюмина Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Посвящается моей тете Пикси и ее Пиджии

Глава первая

– Знаешь, чем примечательна эта квартира? – спросила Фредерика, широко разводя руками, как цирковой конферансье, объявляющий клоунов.

Жест был вполне уместен: цирка в нашей жизни хватало.

– Мэдисон, – она обратилась ко мне по имени, чтобы я наконец отреагировала, – знаешь, чем примечательна эта квартира?

Очевидно, она ожидала, что я отвечу в той же театральной манере.

– Смертельно опасными бактериями? Они нас всех съедят? – осведомилась я.

Тетя, агент по недвижимости, уколола меня гневным взглядом.

– Не угадала! В ней почти трехметровые потолки! Ты можешь себе представить, как трудно найти в центре города квартиру с высокими потолками? И это по такой цене!

Речь шла о городе Хьюстоне, штат Техас. Я задумалась, какое вообще отношение имели высокие потолки к моему воспитанию. Ничем необычным для меня они не были: я выросла в одном из крупнейших особняков штата. То, что другие назвали бы роскошью, было в моем восприятии привычным уровнем комфорта. Я занялась преподаванием, и это встретило яростное неодобрение моих близких. Меня изгнали из фамильного гнезда, отлучили от семьи, предоставили самой себе во всех финансовых вопросах. Учительская зарплата не позволяла роскошь или даже бледное ее подобие.

Терпение Фредерики было на исходе, и я это знала. Она уже показала мне с десятков квартир. Какие-то были расположены слишком далеко от Милстонской академии, где я работала учительницей младших классов. Другие – уменьшенные версии частного зоопарка с той разницей, что вместо животных вниманию гостей представлялись тараканы, муравьи и клопы, – вызывали сильнейшее омерзение. Третьи служили кладбищем дырявых шин, дедовских газет и других старых ненужных вещей.

Лучшего я не могла себе позволить. Получив свой первый расчетный чек, я обомлела. За вычетом налогов мне полагалось меньше, чем я привыкла тратить в месяц на парикмахера. Было трудно представить, как люди живут на такую зарплату.

Еще труднее – как вычесть из этой суммы деньги на аренду квартиры и залог. Мне также предстояло купить машину для передвижений по городу по служебным нуждам и на нее еще надо было накопить.

Откладывать деньги представлялось совершенно невозможным; валяясь на кушетке в доме своей лучшей подруги Шейлы, последние три месяца я изнывала от тоски. Заезжая к ней, я обещала, что поживу пару недель и уеду. Сдержать обещание я не смогла.

Шей жила в аккуратненькой квартирке, и мне нужно было всего полчаса, чтобы доехать от нее до работы. Очень хотелось бы жить еще ближе к школе, но я была рада довольствоваться тем, что имею. Фредерике надоело водить меня по городу, не получая комиссии за агентскую работу и рискуя нарваться на гнев моей мамы за то, что она мне помогает, и я это знала. Судя по всему, я всегда была ее любимой племянницей.

Стать любимицей было несложно. Мои старшие сестры-двойняшки имели прескверный нрав. Первую из них, Виолетту, растили с видами на то, что она будет преемницей отца и займет его пост в фирме. Она была амбициозной, до безжалостности жесткой, не в меру тщеславной. Вторая, Ванесса, не занялась семейным бизнесом. Ее благословили на замужество с вице-президентом отцовской компании, и она стала матерью троих детей. Вынашивая уже четвертого, она при любой возможности совала мне в нос подробности своей идеальной во всех отношениях жизни. Снобизм обеих сестренок переходил все мыслимые границы. Все это, а также их крайняя заикленность на себе сделали наше общение тяжелым и травматичным для меня.

Фредерика прервала мои размышления вопросом:

– Хорошая квартира, да?

Квартира в самом деле была неплохая. Я уже собиралась сказать, что мне все понравилось, но по выражению лица Фредерики поняла, что моя собеседница что-то скрывает:

– Да, хорошая. О чем ты мне не сказала?

– Ой, да... – она взмахнула рукой, как будто я сморозила глупость. – Ничего. Тут высокие потолки и красивый паркет. Тебе понравится.

Паркет ей понравился, конечно; теперь я точно знала, что что-то не так:

– Расскажи, что скрываешь!

– Ну-у-у... – неимоверно долго протянула она, – предыдущий жилец был немного... как сказать... его убили год назад.

– Прямо убили? – уточнила я. – Вот прямо вот кто-то вошел и убил того, кто тут жил? И тело было найдено в квартире? Это жилье – место преступления? – Я сложила руки на груди, в нахлынувшем приступе брезгливости стараясь ничего не трогать.

– Ну тут не то чтобы серийный убийца орудовал. Пострадала одна девушка. Парень, вероятно, из ревности убил ее и теперь отбывает наказание. Не волнуйся. По закону ты имеешь право знать, но это абсолютно не важно: много людей по той или иной причине умерли дома.

Так-то оно так, но я никак не могла представить, как буду жить здесь. Мое воображение уже рисовало меловые очертания тела на полу после инцидента, и я ответила:

– Эта точно не подходит, – думая, что лучше дом с тараканами, чем с привидениями.

Тетя вздохнула с неподдельным разочарованием и открыла мне дверь. Пока она запирала квартиру, я стояла в холле. Взглянув вверх, я ощутила нависающую гнетущую темноту, хотя понимала, что это мне только кажется на фоне услышанного. В каждой тени будто угадывались силуэты затаившихся преступников. Покинув здание, я наконец задышала полной грудью, радостно наблюдая закат.

По дороге к ее машине мы молчали. Феррари, которую тетушка называла Джей Ло, была «лабутеново-красная» – слово придумала тетя. Этот оттенок стал фирменным цветом Фредерики. Она накрасила губы в тон машине, надела красную шелковую блузку и, конечно же, завершила образ знаменитыми туфлями на красной подошве. Ее вкус к дорогим вещам напомнил мне, как хорошо она зарабатывала, находя подходящую недвижимость для представителей хьюстонской элиты, и меня уколол стыд за то, как много ее времени я потратила впустую.

– Такая красивая у тебя машина! – сказала я, пытаюсь снова перевести разговор в доброжелательный тон.

Тетушка широко улыбнулась, очевидно приняв комплимент, и мы плюхнулись на мягкие, как пух, сиденья, обшитые красной кожей.

– Красивая. А ты все еще планируешь завести свою?

– Да, – ответила я. Права я получила только что. Никогда раньше не нуждалась в них, меня везде возили водители. Мама удивлялась, могут ли вообще понадобиться права женщине из семейства Хантингтонов. По ее мнению, в их получении не было никакого практического смысла.

Неудивительно, что ни одна из сестер не сдавала вождение и не имела собственного автомобиля.

Я очень гордилась тем, что первая сдам на права.

– Думаю, куплю подержанную машину, – сказала я, представляя, как бы разозлилась мама, если бы слышала это от меня. Мама отказывалась даже трогать что бы то ни было подержанное или побывавшее в чужих руках, включая простыни в гостиницах, полотенца в тренажерных залах, халаты в ее любимом спа-центре. Я чувствовала себя бунтаркой, замыслив купить нечто подержанное.

– Купи в дилерском центре «Арес», – предложила тетя.

– «Арес»? Думала, они занимаются прокатом.

– Да, но по достижении определенного пробега машины продаются, так что ты можешь купить *подержанную* машину в очень хорошем состоянии.

Само слово «подержанный» тетя произнесла так же, как любила произносить моя мама, с раздражением садовника, поймавшего назойливого крота, который портил идеальные розы, – так бы и прибила чем-то тяжелым!

– Посмотрю, – ответила я. Мы выехали за пределы центра города, а я все еще не знала, закончилась ли на сегодня миссия по поиску жилья. – Ты хотела показать мне еще какое-то место или все на сегодня?

Фредерика постучала по рулю ногтями, накрашенными ярко-красным лаком:

– Я обдумываю еще один вариант, но он действительно за рамками разумного.

«Еще более за рамками, чем дома с привидениями и зоопарки из насекомых?» – удивилась про себя я, усомнившись вслух: – Как так?

Когда мы встали на светофоре, она достала из своей сумочки от «Прада» мобильный телефон, просмотрела несколько скриншотов, бормоча что-то про Инстаграм, и успела передать мне телефон прежде, чем сменился цвет светофора. Машина тронулась.

На экране был изображен самый красивый на свете мужчина. Никогда в жизни я не видела настолько очаровательного молодого человека: ни в кино, ни в журналах, ни во всех просмотренных телешоу. Он был сногшибателен: золотисто-каштановые волосы, небесно-голубые глаза, подбородок настолько фотогеничный, что мог бы сам по себе стать звездой телевидения. Улыбка человека с фотографии была способна растопить самое холодное сердце.

– Он... Он... Он... *Bay!* – это все, что я могла сказать. Я увеличила изображение, чтобы получше рассмотреть его лицо. Настолько роскошен без правильной постановки света или обработки фотографии в редакторе? Таких красивых людей не бывает!

Фредерика как будто читала мои мысли:

– В жизни он еще красивее.

Я широко раскрыла рот от удивления. Это было совершенно... невозможно! Как так? Можно было предположить, что он просто хорошо смотрится на фото. Таких людей немало. Но он был сказочно привлекателен, подлинное произведение искусства.

И я не могла оторвать от него глаз.

– Кто это? – выдавила я из себя наконец, вспомнив, что у шедевра должно быть название, и я хочу его узнать.

– Тайлер Росс. Мы познакомились на благотворительном балу в Уэзли, посвященном каким-то игуанам. Не важно. Он скромно стоял в уголке и понравился мне. Такой красавчик не должен скучать один.

Я отчаянно закивала, полностью согласная с последним утверждением. Оставшиеся функциональными и не смешавшиеся в кашу после просмотра фото клетки моего мозга жаждали знать, каков он, «выходящий за рамки разумного» план Фредерики. Может быть, она хотела, чтобы я вышла замуж за парня с фотографии, и тогда мне будет где жить? Меня не удержит ничего, даже если план подразумевает совместный с Тайлером побег в Вегас.

– И он сказал мне, что много путешествует по работе и давно ищет кого-то, кто бы в это время жил в его квартире и присматривал за его собакой по кличке Пиджин. Она боится оставаться одна. Посмотри, какое милое животное!

Тетя указала еще раз на фото, и только теперь я заметила на нем еще и собаку – золотистого ретривера.

– Да, красивая собачка... – рассеянно промямлила я, не отрывая глаз от Тайлера.

– Кроме того, Тайлеру нужно, чтобы кто-то убирался в его квартире. Последнее время ему не везет с клинингом. Он предоставляет комнату тому, кто будет убираться и следить за его собакой. Я обещала подыскать подходящего для него человека.

Мой опыт общения с собаками стремился к нулю, уборкой я тем более никогда не занималась.

– Мне нужно поработать уборщицей? – переспросила я.

Фредерика либо забыла, как я избалована жизнью, либо не сочла это важным в нашей беседе.

– Ну да, – ответила она. – Ты будешь его соседкой, наводящей блеск. Забавная игра слов получается: соседка – просто блеск!

Наша феррари съехала на обочину, и тетя взяла свой телефон назад. Я будто привыкла держать его в руках, и мне стало его не хватать.

– Спрошу своего юриста, как запатентовать фирму с таким названием, – сказала тетя и рассмеялась своему остроумию.

Она забегала пальцами по клавиатуре, комментируя:

– А сейчас я пишу Тайлеру сообщение, чтобы спросить, можем ли мы зайти и посмотреть квартиру. – И, помолчав, добавила: – Если ты заинтересована в предложении, конечно.

Мне было над чем задуматься. Я не хотела бы делить квартиру ни с кем. Только Шейла была не в счет. Либо мне меньше всех везло с поиском соседей, либо среди людей, подыскивающих себе пару, чтобы снять вместе жилье, немало странных и чокнутых. Именно поэтому тетя искала мне место, которое я могла бы позволить себе снять единолично.

Однако человек, наделенный такой красотой и такой любовью к своей собаке, не мог оказаться плохим, ведь правда? Плюс Фредерика вроде как поручилась за него после десятиминутного разговора на вечеринке – не хухры-мухры!

И тут я вспомнила, что тетя все еще ждет моего ответа.

– Да, я заинтересована, – выпалила я, ощутив, как трясутся поджилки.

Она улыбнулась и нажала кнопку «отослать». Мы стали ждать ответа, и я начала прозревать: вообще-то никто не обещал, что квартира этого парня не будет отвратительна, но тут же решила не переживать. Ради такого красавчика можно переехать даже на квартиру, как та, где кого-то убили. Это не будет значительной жертвой, зато я буду лицезреть неземную красоту.

Вероятные ужасные жилищные условия должны компенсироваться в моем случае тем, что на соседе по квартире глаз отдыхает, – должна же быть в жизни справедливость!

Сама не замечая, что затаила дыхание, я прислушивалась к телефону Фредерики в ожидании звона ответного сообщения. Наконец, когда оно пришло, тетя с улыбкой сообщила:

– Он говорит, что мы можем подъезжать и нас встретят. Дверь откроет консьерж.

Консьерж! Мне вспомнился подъем на пятый этаж без лифта в доме Шейлы. Какое облегчение, когда кто-то может помочь отнести твои вещи, если тяжело, да и у кого их не страшно оставить, чтобы не украли. Если в доме еще и лифт есть – это вообще предел мечтаний!

Пока мы подъезжали, Фредерика продолжила пересказ своей беседы с Тайлером, состоявшей в основном из обсуждения их собак, пока я сдерживала импульс схватить ее телефон и вновь лицезреть фото красавчика. Из сладкой мечты о видеоклипе, где Тайлер и я в главных ролях, меня вырвали следующие слова Фредерики:

– Он сказал, что в качестве соседа по комнате предпочел бы парня, потому что в колледже жил в комнате с девушкой, они были просто друзьями, но девушка влюбилась в него, и это отравило их соседскую жизнь. Дошло до разбирательства и запрета ей по суду приближаться к его дому.

Я видела его фото и все понимала.

– Для тебя это не будет особой проблемой, ты же в отношениях! – сказала довольная тетушка.

Да? Ах, точно, она про Брэда. Точнее, про Брэтфорда Борегарда Брэнсона четвертого. Мой школьный товарищ, с которым мы перестали встречаться с момента, когда я ушла из семьи.

О нашем разрыве не знали, и я не торопилась сообщить.

Брэнсоны были сливками общества в Хьюстоне. Наделенные роскошным богатством и связями, они были семьей мечты моей матери для меня. Не участвуя в семейном бизнесе, я подорвала доверительные отношения с матерью, и рассказать ей о разрыве с Брэнсоном значило нанести по нашим с ней отношениям удар, сравнимый с ядерным, и окончательно сжечь мосты.

Родители терпели мой тихий бунт и раньше, надеясь, что я одумаюсь и когда-нибудь стану на путь истинный. Я и сама была не готова объявлять решительные бои сразу по всем фронтам, ибо при объявлении войны ждать пощады мне не приходилось.

Я не стала вводить Фредерику в курс дела и притворилась, что со всем согласна. Моя мама и ее сестра были в извечной вражде (и я полагаю, что именно это сподвигло Фредерику помогать мне – она делала это назло сестре). Однако же иногда они были лучшими в мире подругами. Существовал неслабый риск, что информация просочится к матери, так что я скрала:

– Хорошо, у меня есть Брэд, и я не буду бегать за Тайлером.

Это формально даже не было ложью. Официально мы с Брэдом о расставании никому не объявляли. Было и так понятно, что вместе мы уже не будем.

Мы подъехали к дому и припарковались напротив.

– Тут есть и гараж, – объяснила она, – но сегодня мы ненадолго. Не знаю, поняла ли ты, где мы находимся, но это в десяти минутах от твоей школы.

Я очень обрадовалась, что это так близко. Мы вышли из машины и направились к дверям.

Войдя в дом, я поняла, что Тайлер явно не беден. Судя по обстановке, он был даже не врачом или юристом, а жил в действительно роскошных условиях.

Мое предчувствие подтвердилось, когда консьерж проводил нас в пентхаус. Когда мы вошли, я выдохнула. Все было как у меня дома. Еще пару месяцев назад меня это жилище никак не впечатлило бы. Подумала бы, что оно просто милое и уютное. Сейчас оно показалось мне дворцом. Из окон просторной квартиры открывался умопомрачительный вид на вечерний город. Я уже представляла, как пью утренний кофе на широком балконе, встречая рассвет нового дня. Я повернулась, чтобы осмотреть кухню. Она была обустроена по последнему слову техники, и было видно, что используется по назначению довольно часто. Из раковины глядела гора немытой посуды; приборы разбросаны там и сям. Хозяин явно не являлся фанатом чистоты.

Воодушевляло, что здесь определенно не было тараканов или привидений. Квартира, несомненно, лидировала среди остальных.

– Что думаешь? – спросила Фредерика, когда консьерж оставил нас наедине.

– Здорово!

– Пойдем посмотреть остальные комнаты! – сказала она.

В комнате для гостей стояла огромная двуспальная кровать. Я присела и попрыгала на ней, проверяя мягкость. У Шей в комнате кушетка была жестче.

Комната была отделана в спокойной серо-голубой гамме. Мне она понравилась. Тетя что-то вещала о премиальном паркете и итальянском мраморе, а я тем временем зашла в гардеробную. И почти прослезилась от перспективы не складывать больше вещи по чемоданам!

В этот момент я поняла, что сделаю все, что от меня потребуется, чтобы жить у Тайлера. Уход за собакой? Да я просто Доктор Дулиттл! Уборка? Я стану... Мари Кондо? Нет, книжка у нее не совсем об этом. Мэри Поппинс? Она специалист по детям. Марта Стюарт? Главная по развлечениям...

Наконец вспомнила: Мистер Пропер! Я буду и Пропер, и Дулиттл в одном лице, идеальная во всем, что делаю.

– Разве это не чудесно? – спросила Фредерика, заметив по моей широкой улыбке, как я уже впечатлена.

– Я хочу тут жить. Обожаю это место!

Мы услышали, как хлопнула дверь лифта и мужской голос сказал:

– Пидж, я пришел! Где ты, девочка?

Это был Тайлер. Его голос был так же приятен, как и он сам. Глубокий грудной тембр, от которого веяло мужественностью. У меня пошли по коже мурашки. По паркету застучали собачьи лапки, и я мельком увидела рыжую собачку, прибежавшую встретить хозяина. Как хотелось бы мне оказаться на ее месте, встать и побежать ему навстречу, быть заключенной в его объятия.

Фредерика взяла меня за руку:

– Идем же, и я вас познакомлю.

Волнение, сравнимое с этим, я ощущала только однажды, перед самым первым уроком, который мне предстояло провести. Я была на пороге нового будущего и знала, что моя жизнь больше не станет прежней.

Второй раз в жизни я ощутила то же. Все изменится.

Пора увидеть Тайлера Росса.

Глава вторая

Я вышла в холл и встретила с ним глазами. Сердце забило чаще. Фредерика была совершенно права: Тайлер выглядел в сотню раз лучше, чем на фотографии. Мистика какая-то. Увидев его в жизни, я отметила то, чего не могла увидеть на фото: он был высоким и плечистым мужчиной атлетичного, как олимпийский пловец, телосложения.

– Деточка, не стой вот так, с открытым ртом! – шепнула тетя, проходя мимо. Я привела отвисшую челюсть в исходное положение.

– Привет! – она помахала Тайлеру и подошла к нему. – Рада снова тебя видеть. – И она поцеловала его в щеку. Я поймала себя на мысли, что еще никогда так сильно ей не завидовала.

– Снова здравствуйте, миссис Джонсон, – ответил он.

Она тихонько похлопала его по плечу, приговаривая:

– Можно просто Фредерика, мы же договорились.

Тетушка бесстыдно флиртовала с парнем, а я стояла замороженная и не двигалась с места. Я прокашлялась, чтобы заговорить, но не нашла в себе сил что-то сказать.

Тетя услышала мой кашель и обернулась ко мне.

– Это Мэдисон, – сказала тетя, – как я и писала в сообщении, она будет идеальной соседкой.

Отчасти я была возмущена тем, что мне не дали даже самой представиться. Как всегда, кто-то из моей семьи сделал это за меня. Но вообще-то я и не могла говорить, будто проглотила огромный кубик льда и он застрял на полпути в районе шеи.

Парень подошел ко мне и протянул руку:

– Приятно познакомиться, Мэдисон. Я Тайлер.

Он произнес мое имя, и каждый нерв в моем теле ожил. Неуловимый запах его тела сводил меня с ума. А ведь это я только стояла рядом! Что же будет, когда коснусь его руки? Я вложила свою руку в его, и нервные окончания в моих пальцах взорвались фейерверком чувств. Вероятно, у меня даже слегка подкосились колени.

Я молча кивнула. Мне хотелось сказать, что я тоже рада знакомству, но я сосредоточилась на том, чтобы рукопожатие не было слишком затянутым, и не сразу, но смогла дать себе приказ отпустить его руку.

– Мэдисон – учительница младших классов, – сказала Фредерика, прерывая этот неловкий момент. Я перестала обижаться и нашла, что это даже хорошо, что она говорит за меня. Хотя, когда Фредерика продолжила и сказала: «Она очень ответственная, аккуратная и обожает домашних животных», я почувствовала легкое раздражение.

Я подняла брови. Это все было неправдой. Может, конечно, и ответственная, но аккуратной точно не была. С тех пор, как я выехала от родителей, обнаружила, что стремление к чистоте – это не про меня. Не замечала этого раньше только в силу того, что в родительском доме были уборщицы, проделывавшие за меня всю работу.

В отцовском доме животные не позволялись. Когда-то я просила разрешения завести котенка, но отец сказал, что животные не для развлечений. На нашем ранчо были лошади, козы, куры, но мы всегда были слишком заняты, чтобы туда пойти.

– Отлично, – тем временем отозвался Тайлер.

– И ей очень нравится твоя квартира. Да и как она может не нравиться? Она восхитительна! – заметила Фредерика, проводя рукой по книжной полке. Она остановила руку на одном из корешков и вытащила книгу: – Это фотоальбом? Можно посмотреть?

– Хм. Ну да, можно...

Ну а правда, что ему еще сказать? «Нет, ужасная стареющая женщина, некстати влюбленная в меня, положи на место!»

– О, взгляни на эти фото, так мило! – сказала она. Мне не хватило смелости вмешаться, и я осталась стоять на своем месте. Мне очень хотелось встать рядом и заглянуть в альбом, изучить все фото. Он наверняка был прекрасен на каждом снимке.

Она продолжила:

– А что происходит здесь?

Теперь я уже кусала губы от зависти и подошла заглянуть ей через плечо.

– Почему у меня зафиксирована нога? У меня одна нога в детстве была короче другой, поэтому я прошел много операций и в ноге до сих пор есть пара металлических штырьков, на которые срабатывают металлодетекторы. С другой стороны, это помогает мне стать новым Франкенштейном.

Юмор в его голосе растопил воображаемую льдинку, так долго перекрывавшую мне дыхание, и я ответила:

– Надо быть еще амбициознее! Тебе подойдет стать киборгом вроде робокопа.

Он посмотрел на меня, довольный эффектом, и воздух в комнате стал терпким и наэлектризованным, как перед грозой. Я не могла вдохнуть.

– В детстве я подбадривал себя подобными шутками при неудачах на уроках физкультуры.

«Не везет в игре, зато дьявольски везет в любви», – подумала я.

– И в активные игры не играл с ребятами? – спросила, размышляя, в какие игры я бы с ним точно сыграла.

Он улыбнулся.

– Нет, конечно.

Может быть, пентхаус обманчив и Тайлер не был таким уж любимцем судьбы. С недавних времен замечая, что и меня судьба не балует, я почувствовала родство душ.

Фредерика поставила фотоальбом обратно на полку. Если я стану тут жить, первым делом снова взглянусь в эти снимки. Просто для общего развития.

Тайлер указал мне на кресло:

– Присядем? Я разолью напитки.

– Какой же ты приятный и культурный мальчик! Твоя мама правильно тебя воспитала! – воскликнула Фредерика.

По лицу Тайлера пробежала мгновенная тень, но она быстро исчезла.

– У меня есть вода и немного кефира. Еще апельсиновый сок, – предложил он.

– Ничего не нужно, – ответила тетя, садясь напротив.

Я постаралась не смотреть прямо в лицо парня, отворачиваясь от лучей его красоты, как от яркого солнца. Это было похоже на то, как ученые предостерегают от наблюдения за небом невооруженным глазом во время затмения. Можно ослепнуть.

Или на историю библейской женщины, обращенной в соляную статую за попытку оглянуться.

Это я, застывшая и ослепленная.

– Расскажу немного о себе. Мне двадцать шесть, я финансист, сравнительно аккуратен, люблю составлять списки, путешествую больше, чем хотелось бы. Не люблю уезжать от своей любимой девочки Пиджин, знакомьтесь! – Собака лежала на полу у его ног, прекращая скулить, только когда Тайлер гладил ее по голове.

Я задумалась, почему собака не лаяла на нас, когда мы только вошли в дом. Собаки же обычно лают на чужих!

Тайлер улыбнулся мне, и я поняла, что, если продолжу неловко молчать, он решит, что я чудака и не подхожу ему в соседки. Надо было срочно что-то придумывать. Я прокашлялась и спросила:

– Что с собакой?

– Да ничего. Пидж просто не любит незнакомых людей, волнуется. Я взял ее в приют. Там мне сказали, что предыдущие хозяева, скорее всего, жестоко с ней обращались. Она медленно привыкает к тебе, но потом становится лучшим на свете другом.

Почему мысль о том, что он спас из приюта собаку, с которой плохо обращались, и любит ее, наполнила мое сердце безмерным теплом?

– Это одна из причин, по которой мне нужна соседка: чтобы Пиджин не оставалась одна четыре или пять дней кряду. Я пытался оставлять ее на передержке в специальных центрах, но она до дрожи боится чужих людей и других собак. Моей собаке нужно, чтобы кто-то присматривал за ней здесь. Тут ее дом, и тут она в безопасности.

– Об этом не беспокойся, – сказала Фредерика, – Мэдисон – серьезная и ответственная девушка. Она не будет уходить из дома по вечерам. У нее давно стабильные отношения с ее парнем, Брэдом. Они любят друг друга со школьных лет.

Меня слегка передернуло. Я напомнила себе, что формально все сказанное тетей было правдой. Мы с Брэдом были влюблены друг в друга в старших классах, и тетя имела основания полагать, что мы еще вместе. В реальности же уже несколько месяцев вообще не общались.

– Что уж там, мы ожидаем, что в очень скором времени эта парочка объявит о своей помолвке! – продолжила Фредерика.

И это так. Мама решила, что по окончании колледжа я обручусь с Брэдом. Последняя беседа с ней это только подтвердила.

От моего внимания не ускользнуло, какое облегчение испытал Тайлер. Это было видно по лицу.

– Отлично, – ответил он, и я задумалась, считает ли он отличным, что я не брошусь ему на шею, как его одноклассница. Теперь, когда я сама познакомилась с ним, я понимала ее чувства в полной мере. Интересно, сколько же женщин ему регулярно приходится отшивать.

Вероятно, тысячи!

Будто отвечая на мой еще не заданный вопрос, он сказал:

– Очень важно, чтобы тот, кто поселится со мной, понимал границы наших отношений. Мы станем соседями и друзьями, но между нами не может быть больше ничего. Однажды я уже попал в неприятную ситуацию, она развивалась от плохого к худшему, и я не хотел бы ее повторения.

Из того, что он сказал, я поняла одно: он крайне против того, чтобы на него вешалась какая-то девушка. Я решила отказаться от своей внезапной влюбленности ради того, чтобы жить с ним. Квартирка была недалеко от школы, чистая и свободная от насекомых и странных жильцов. Я усмирю игру гормонов, начавшуюся вследствие моего продолжительного одиночества после разрыва предыдущих отношений, когда так хочется внимания и тепла.

Тайлер не станет тем парнем, который спасет меня.

– Меня это устраивает! – сказала я, и этот отказ от чувств ранил мое сердце, как тысяча ударов ножом.

– Хорошо! Знаю, ситуация необычная, – сказал он. – Надеюсь, ты не подумала, что я хочу каким-то образом тебя использовать. Для меня ты не прислуга. Мы будем просто жить вместе, и ты будешь у меня на подхвате, когда надо уехать.

Я закивала. Идеальное предложение, хотя и впрямь необычное. Я немного волновалась в связи с тем, что никогда в жизни не убиралась, но была готова учиться.

– Фредерика сказала, что у тебя были уборщицы и ты отказался от их услуг. Можно спросить почему? Они недостаточно чисто мыли дом?

– Чего? – спросил он со смехом. – Я не фанат идеальной чистоты, и мне не надо, чтобы пол натирали так, что хоть лижи! – Он указал на кухню и беспорядок в ней: – Взгляни. Я не стремлюсь к полному порядку. Просто к аккуратности. Я убираю за собой сам, но мне нужен

кто-то, кто будет осуществлять более детальную работу по дому, когда у меня нет времени. Я буду писать список дел, идет?

– Да, прекрасно.

Такое мне подходило. Я тоже любила правильно составленные списки. Они помогали мне в преподавании.

– И, отвечая на твой вопрос: предыдущие уборщики крали мои вещи. Когда вырос в бедности, умеешь ценить все, что имеешь. Они-то думали, я не обращаю особого внимания на пропажу.

Фредерика усмехнулась, взглядом дав мне понять, что он преувеличивает свое бедственное положение, как девочки из нашего университетского клуба, которые жаловались, что они на мели, когда могли позволить себе только сумку от «Кейт Спейд», а не от «Прада».

Я усвоила новую информацию о Тайлере: он считал, что вырос «в бедности», в его ноге были металлические штырьки и он любил свою собаку. Было приятно узнать о нем чуть больше, чем просто то, что он был восхитительно красив.

– Мэдисон – девочка из очень хорошей семьи, – сказала Фредерика, отсмеявшись, – у них уж точно не принято воровать.

Ха! Богачи постоянно воруют! Спросите мою тетю Иду, утаскивающую небольшой, но изысканный «сувенир» из каждого дома, в который заходит с визитом. Перед ее приездом мать велит персоналу убрать с видных мест все доступные для ее воровства мелкие предметы быта.

– Надеюсь, вы не подумали, что я намекаю на... – в голосе Тайлера послышалось стеснение, и я постаралась исправить ситуацию.

– Никто не подумал, что ты на что-то намекаешь! – сказала я максимально уверенным тоном, одновременно как бы указывая тете, чтобы она не начинала защищать честь Хантингтонов, притом не являясь одной из них, что она все равно намеревалась начать делать.

– Ну хорошо, – сказал он с облегчением, – ты нравишься мне, и тебя так хвалят, что думаю, мы сработаемся! А ты сама какого мнения? Я так и не спросил, чего ты ожидаешь от квартиры.

– В основном мне нужно где-то жить и чтобы была своя кровать. Чисто чтобы не заразиться бубонной чумой или не быть убитой маньяком. Вот и все.

Он засмеялся, и этот смех заключал в себе полыхание тысяч закатов, непосредственную лучезарную детскую радость сотни семилетних детей, получивших приятный сюрприз на день рождения. Теплый, счастливый, наполненный радостной жизненной энергией, этот смех пробудил во мне лютый вихрь эмоций.

– Ты... знаешь, чего хочешь! – сказал он, перестав улыбаться. – Это все я могу с уверенностью обещать. Если серьезно, важно, чтобы это было взаимовыгодное сотрудничество. Люблю готовить и, когда я дома, готов делать это сам. Хочу, чтобы каждый из нас чувствовал, что получает, что хотел.

Получить бы скорее то, что я хотела бы от этого «сотрудничества»! Но, конечно, я не могла уточнить, чего именно я хочу, и пришлось сказать:

– Да, мне все подходит.

– Супер! – Он встал, подошел к комоду черного дерева, открыл шкафчик и вернулся с ключом. – В личной жизни я человек слова и держу свои обещания, но в своей фирме я держу и юридический отдел, который может состряпать договор для подписания, если ты пожелаешь. Если ты, конечно, согласна на мои условия.

Тайлер протянул мне ключи. Он хотел, чтобы я переехала к нему... *«И родила ему детишек!»* – застонал мой ошалевший внутренний голос, которому я приказала молчать.

Тут проснулась рациональная часть моего сознания. Не слишком ли быстро я приняла решение согласиться? Парень всем своим видом внушал мне доверие, и было непохоже, чтобы он выдавал себя за кого-то, кем не является. Может быть, за меня говорило мое молодое, истос-

ковавшееся по нежности тельце? Но, если не думать о чувствах, с момента начала поиска его квартира была единственной после квартиры Шей, в которой мне было действительно уютно. К тому же Фредерика одобрила его кандидатуру – возможно, потому что она сама в него влюблена, – и все же я учту ее мнение.

– Скрепим договор рукопожатием, и можно считать, что он в силе. – Я знала, что перед подписанием нужно, чтобы документ прошел проверку юристов. У меня не было денег на юриста. Его слова и руки было достаточно.

Я встала и протянула руку, ожидая, что он пожмет ее. Мне казалось, что если я один раз дотронусь до него, то во второй раз это уже будет просто.

Как же я ошибалась! Его теплая рука сильно сжала мою. По телу разошелся небывалый трепет, и я замешкалась на пару секунд дольше приличного.

Он улыбнулся, зажигая в моих глазах огонь, который был ярче праздничных костров, и сказал:

– У меня очень приятное предчувствие того, что грядет.

«О да, и у меня!» – прорвался снова непобедимый внутренний голос, но я не дала ему выйти наружу. Тайлер сказал, что поставит консьержа в известность насчет меня, и я смогу въехать в любое удобное время.

– Буду рада встрече! – ответила я, в душе радуясь, что он не знает насколько.

– Сотрудничеству! – тихонько поправила Фредерика, но Тайлер не услышал.

Как бы это ни называлось, я уже жду!

Он проводил нас к двери и нажал кнопку лифта. Фредерика поговорила с ним, предлагая свои услуги как риелтора на будущее и всучив ему свою визитку. Я отвернулась, чтобы не смотреть, как тетя ловит момент и берет его за плечо, и чтобы оторвать от него свой пугающе влюбленный взгляд.

Конечно, не стоило обижаться на то, как Фредерика старалась обделывать дельце. По маминим словам, Фредерика когда-то надеялась на симпатию моего отца, но он выбрал маму. Потом тетя с первого взгляда влюбилась в Торстена Коттонвуда. Он был старше нее на сорок лет. (Отец любит шутить, что это была любовь с первого взгляда на его историю болезни.) У него было большое сердце, больше денег, чем даже у Брэнсонов, и Фредерика думала, что ему осталось недолго.

Старому доброму дяде Торстену сейчас за девяносто, он женат на юной модели. При разводе Фредерике по брачному контракту полагался только миллион долларов, который она и промотала в первые полгода свободной жизни.

Перспектива жить в бедности пробудила в ней деловую жилку, и, стараясь сохранить прежний уровень жизни, тетюшка успешно работала агентом по недвижимости, подбирая очень богатым людям новые квартиры и дома.

Я восхищалась ее хваткой, несмотря на то что иногда мне было стыдно за ее манеры.

Наконец лифт открылся, и я поспешила зайти в него. Фредерика задержалась на площадке, заверяя Тайлера, что будет на связи, и я схватила ее под руку и аккуратно подтолкнула, чтобы она наконец зашла в лифт за мной, – ну или, если быть совсем точной, насильно впихнула ее с собой.

– Увидимся! – сказал он. Я таяла от его голоса.

Моего остроумия хватило только на «ага», я нервно улыбнулась и забарабанила по кнопке закрытия дверей, пока лифт наконец не тронулся. Я прислонилась к стене, пытаюсь восстановить дыхание.

– Я же сказала, роскошен! – произнесла тетя.

Я промолчала, не зная, говорит ли она о человеке или доме.

– Думаю, это временное решение, – сказала я, – притом что я не умею убираться и ухаживать за несчастной травмированной собакой.

– Конечно, это временно. Ты накопишь денег и снимешь себе свою приличную квартирку. Или Брэд наконец сделает тебе предложение, и ты переедешь к нему. И тут ты позвонишь своей любимой тетушке, и она найдет для вас дом вашей мечты. Не думаю, что твой парень будет доволен, что ты живешь у этого прекрасного мужчины. Ревность часто подталкивает к важным жизненным решениям, таким, как предложение руки и сердца.

Вот что меня меньше всего волновало на тот момент, так это «ревность» Брэда. Тем паче чтобы он делал мне предложение только из зависти. Я не стану играть в игры, которые затевали мама и тетя для того, чтобы выйти замуж.

Мне нужен был мужчина, который примет и полюбит меня. Кто женится не ради денег и положения. Я знала, что такой найдется. А еще знала, что это не Брэд Брэнсон и он таким никогда не будет.

Пора начинать новую жизнь в новой квартире, с новым соседом и новыми обязанностями. Вызов принят, и я справлюсь.

По крайней мере, надеюсь, что справлюсь.

Глава третья

Где я точно уже прочно обосновалась – так это на работе. Первая перемена между моими занятиями совпадала со временем, когда Шей бывала свободна, и я шла в учительскую, чтобы с ней встретиться. Милстонская академия – это частная школа с техническим уклоном. В ней были все классы, начиная от детсадовских групп. Я преподавала во втором классе, а Шейла вела продвинутую математику у старшеклассников. Она также была тренером команды, участвовавшей в олимпиадах.

С Шей Симмонс я познакомилась, когда училась на первом курсе института. Была первая ночь недели набора новичков. Я стояла на траве перед Дельта-Альфа-Гаммой, зданием университетского женского клуба. Там начиналась церемония открытия. Мои родители рассчитывали, что я стану членом этого сообщества, потому что там встречу «правильных» друзей. Брэд был членом институтского мужского клуба, как и наши отцы. Все, что надо было сделать, – это перейти по траве к зданию, подняться по лестнице и войти.

Я не могла этого сделать. Просто никак не могла заставить свои ноги двигаться.

– Эй, что с тобой? Ты выглядишь растерянной!

Первое, на что я обратила внимание, – взволнованное выражение лица девушки, задававшей вопрос. Затем я рассмотрела ее ярко-фиолетовые волосы. Часть головы была выбрита.

– Ты совершенно права, – ответила я. Я сама не осознавала, как сильно растерялась. – Мне нужно зайти туда, но я... не могу.

Она обернулась и ответила:

– Не виню тебя за это. В этом клубе собрались преотвратительные девчонки.

– Дело даже не в этом. Если я пойду туда, я как будто соглашаюсь на все это. На такую же жизнь, как у моей матери. Отказываюсь от своих настоящих желаний. Никогда больше не буду принимать свои собственные решения. Я выйду замуж за мальчика, которого для меня выберут, и буду проводить время на встречах таких же скучающих домохозяек. Буду говорить, что мне нравится такая жизнь. Но это не так. Она мне не нравится.

– Это тяжело.

– Каждый выбор в моей жизни был сделан за меня. Мне предложили альтернативу только из двух специальностей.

Она присвистнула:

– Тебе не разрешили самой выбрать, кем стать? Но учиться по этой специальности потом тебе, а не им!

– Я могу пойти либо на экономиста, либо на юриста. И я не хочу заниматься правом.

– А чем бы ты хотела заниматься?

Ее вопрос ударил прямо мне в сердце, аж дыхание перехватило. Простой, казалось бы, вопрос. Он казался мне глубоко экзистенциальным.

– Ты знаешь, что ты первый человек, который меня об этом спросил?

– Это... печально.

Истинно так. До абсурда печально. У меня была мечта, я никогда не говорила о ней, не позволяла себе принимать ее всерьез. Работа, меняющая жизнь людей. Я решила произнести ответ вслух и прочувствовать момент этого признания:

– Я хочу быть учителем.

– Правда? – переспросила девочка с улыбкой. – И я. Я учусь на преподавателя математики и надеюсь работать со старшими классами. – Она изучающе посмотрела на меня: – В моем клубе есть несколько девочек, будущих учительниц начальных классов. Пойдем познакомлю.

Я благодарна судьбе за эту встречу. Я вступила в ее клуб. Шейла была на два года старше и стала моей лучшей и самой близкой подругой. Она во многом изменила мою жизнь. В первую

очередь она показала мне, что мои собственные желания имели значение и что я была достаточно сильной, чтобы принимать жизненные решения самостоятельно. Это ненормально, когда твои родители распланировали твою жизнь, не спрашивая тебя. Она всегда поддерживала меня, и я была рада, что она осталась работать в Хьюстоне, возле института, где мы учились. Мы могли продолжать общаться.

Когда я подала резюме во все школы района после годичной практики, именно она порекомендовала меня директору и помогла мне устроиться в школу. Последние три месяца она разрешала мне ночевать в ее квартире.

Мне не терпелось скорее рассказать Шей о Тайлере и его пентхаусе, но, когда я вернулась, меня ждала записка от нее, сообщающая, что она на свидании. Я пыталась не спать и дожидаться подругу, но все-таки сон сморил меня до ее прихода. Когда я проснулась, ее уже не было дома. Неудивительно. У нее было занятие со сборной по математической олимпиаде. В этом году она надеялась, что они выиграют в национальных конкурсах.

Можно было, наверное, послать СМС, но тема была слишком личной и предполагала разговор с глазу на глаз. Беседа была нужна мне как можно скорее. Если я смогу выговориться Шейле, меня отпустит и я могу жить дальше.

Еще одной нашей подругой была Делия Хоторн. Они с Шейлой вместе преподавали в первом классе Милстонской академии и сразу подружились. Какое-то время я завидовала их дружбе, но, когда стала работать в академии, мы все стали компанией не разлей вода.

На этот раз до школы меня подвозила Делия, потому что Шей была занята с раннего утра. Я пыталась пару раз ездить на общественном транспорте, но мой топографический кретинизм сыграл со мной злую шутку. Я все время приезжала не туда. Гугл-карты не помогали мне, их подсказки с предположительным расстоянием до пунктов назначения разбивались о то, что я не представляла, сколько это – шестьсот футов или полмили. Делия и Шей сказали, что – из совершенно эгоистичных побуждений – сами будут подвозить меня до школы и обратно.

– Просто я не горю желанием забирать тебя в Оклахоме, когда ты вновь потеряешься, – приговаривала Шей.

Они говорили так специально, чтобы я не чувствовала, что чрезмерно пользуюсь их добротой. Каждый день я боролась за самостоятельность. Для меня было очень важно отделаться от родителей, деньгами прокладывающих мне дорогу в жизнь, и тут я снова оказалась под чьим-то патронажем. Это одна из причин, почему я с нетерпением ждала времени, когда перееду к Тайлеру и заведу свою машину. Стану сама себе хозяйкой.

Я задумалась о своем и прозевала начало пламенной речи Делии. Почти каждый день она вещала об одном и том же, так что я, в сущности, ничего не пропустила. Она говорила:

– И я сказала мистеру Реймону, что студенты с творческими способностями, согласно исследованиям, с большей вероятностью побеждают в олимпиадах. Сам Эйнштейн говорил, что воображение в науке важнее, чем знание. А откуда у студентов воображение? Они должны видеть искусство!

Почти каждый раз, когда она меня подвозила, Делия жаловалась на преподавателя технических наук, мистера Тристана Реймона, который ругал ее занятия по искусству. В душе художница, дитя цветов и представитель богемы, она родилась в неправильное для себя время и не в том месте, где должна была. Обычно она была воплощением мира и спокойствия и художественного восприятия действительности, но то, как милейший мистер Реймон над ней издевался, сводило ее с ума.

К счастью, во время ее признаний особая реакция от меня не требовалась. Надо было периодически кивать или комментировать, что он сволочь и кретин. (Хотя мы с Шей были уверены, что он влюблен в Делию и не понимает, что, когда ее дразнит, не приближается к цели завоевать ее сердце.) Таким образом, у меня было время думать о Тайлере и переезде к нему.

Мысли о Тайлере и догадки о том, правильно ли я поступаю, отвлекали меня от утреннего занятия, и я не могла сосредоточиться на детях. В итоге я сдалась и показала им познавательный фильм, который не развлек их и ничему не научил. Уверена, что четверть из них его проспала.

Одного из учеников, Дэни, я посадила рядом с собой, чтобы не кидался в других детей бумажками. Последние пару недель он вел себя плохо, что ему было не свойственно. Я впервые столкнулась с такой ситуацией и не знала, чем ему помочь. Я написала себе напоминание, что пора обсудить проблему с его родителями, а также при случае спросить совета Шей и Делии.

Зазвонил звонок, и я сорвалась и побежала в учительскую, поговорить с подругой.

– Вот ты где! – крикнула я. Стоящая у кофемашины Шей удивленно посмотрела на меня.

Уже давно она не красилась в фиолетовый и не выбривала полголовы. У нее были темные волосы, короткая, асимметричная стрижка, которая шла к ее большим карим глазам. Если Делия надевала полупрозрачные кофточки и цветастые блузки, то Шей всегда одевалась как на службу в адвокатскую контору. Юбка-карандаш, малиновая сатиновая блузка и блейзер. Она сказала:

– Я тут каждый перерыв. Что с тобой?

Я подошла и, схватив ее за руку, потащила к свободному столу:

– Мне столько надо рассказать тебе! Моя тетя...

– Фредерика! Обожаю эту безумицу! Я в восторге от таких амбициозных людей!

– Что? Я вообще не об этом. Короче, она привела меня в еще пару жутчайших мест...

– И ты снова остаешься у меня? – сказала она с усталой улыбкой. Мы очень любили друг друга, но она начинала уставать от меня. Был предел и ее терпению, и он уже давно закончился. Я старалась быть хорошей и аккуратной гостьей, но ее квартирка была настолько маленькой, что даже лучшие друзья могли устать друг от друга. В моей голове звучал голос мамы, любившей говорить, что гости, как рыба, на третий день протухают.

А прошло уже три месяца.

– Нет, я выезжаю от тебя!

– Наконец-то, – она прикусила губу. – Ну то есть ура, я очень за тебя рада!

Я не смогла сдержать смех.

– Ничего. Я действительно надолго застряла у тебя. Фредерика нашла для меня замечательную квартиру, и мне даже не придется платить аренду. Я буду убираться и смотреть за собакой, пока он в отъезде, и мне можно там жить.

– Он? – отозвалась Шей. – Ты будешь жить с каким-то парнем и убираться у него? И не платить аренду? Дай угадаю, спать вы тоже будете вместе?

– Что? Нет! Все не так! – я распалилась от ее предположения, что я так низко упаду. Она широко улыбнулась, показывая, что просто дразнила меня. – Парень, его зовут Тайлер, уже был в неприятной ситуации. Его соседка влюбилась в него. Меня он пускает к себе только потому, что я в отношениях.

– С кем? С кроликом с упаковки «Несквика»?

Мама не разрешала есть сладкие готовые завтраки, и я, освободившись от маминого призора, вероятно, с особым рвением отдавалась поеданию шоколадных шариков на квартире Шейлы. Кроме того, это была простая и дешевая еда.

– Ха-ха-ха! Нет, он думает, что у меня отношения с реальным человеком. Ты бы видела его лицо, когда Фредерика сказала, что у меня есть Брэд!

– На лице было отвращение?

– Почему же? Он даже не знает Брэда.

– Не обязательно лично знать Брэда, чтобы быть от него в отвращении.

– Нет, Тайлер выглядел как человек, приговоренный к смертной казни, в момент получения оправдательного приговора. Он безумно счастлив, что у меня кто-то есть.

Она скептически посмотрела на меня:

– Он что, слепой, этот твой Тайлер? Ты божественно красива! Почему это он не хочет за тобой ухлестнуть?

От этих ее слов я ощутила большую гордость. Моя мать была эгоцентричной женщиной, опирающейся в своей уверенности в себе исключительно на свои внешние данные. Я пыталась говорить себе, что внешность не главное, но все равно много времени посвящала красоте.

Однако мое положение дел ограничивало мой выбор косметических средств. Марка моей краски для волос для осветления была брендом местного супермаркета. Под карие глаза и светлую кожу лица я пыталась теперь подобрать аптечную декоративную косметику.

Я не знала, делают ли эти средства меня красивее.

– Ты очень хорошая подруга, – сказала я. – Но что-то подсказывает мне, что ему плевать, как я выгляжу. Он предельно четко дал понять, что хочет, чтобы у его компаньонки был парень и она не вешалась на своего соседа по комнате.

– То есть он ищет женщину, которая будет жить с ним, убираться у него, ухаживать за собакой, но сексом с ним не заниматься? Похоже, он в поисках жены.

– Очень смешно, – сказала я, закатив глаза.

– Не могу поверить, что ты дошла до такого. Не может быть, что другие квартиры настолько плохие, как ты описывала.

– Значит, я недостаточно детально их описывала. Остальное жилье... чума и хаос, как перед библейским концом света. Я ехала его смотреть абсолютно без каких-либо ожиданий, однако все равно невообразимым образом была разочарована. Тайлер оказался спасением, манной небесной, и я не преувеличиваю, – пока я защищала свою точку зрения, окончательно уверилась в правильности своего выбора, и мне стало легче. Я продолжила: – Не говоря уж о том, какая у него квартира.

Фредерика как раз отправила мне ссылку на старое объявление о пентхаусе Тайлера с фотографиями всех комнат. Она также прикрепила ссылку на инстаграм Тайлера, в который я впоследствии нередко заходила. Я надеялась привыкнуть к его красоте и как бы сделать прививку от нее, чтобы получить иммунитет к этому обаянию.

Пока что никакого эффекта мои действия не возымели.

– Вот, – я передала ей телефон. Она должна была сама увидеть, как красива его квартира, – зайти по ссылке, и ты увидишь, о чем я.

Она сдавленно вздохнула:

– Ты шутишь! Ты упустила самое главное! Божечки-кошечки! Когда я буду рассказывать об этом внукам, я скажу, что мои яичники выросли втрое, когда я это увидела!

– О чем ты... – И я поняла, что она зашла не по первой, а по второй ссылке и поела глазами Тайлера.

– Насколько теперь яснее, почему ты так внезапно решила к нему переехать.

– Огогошеньки! – вторила ей Делия, заглянувшая Шейле через плечо.

– Мэдисон собирается жить с ним! – радостно сообщила Шей. В такой эйфории она пребывала только один раз в жизни, когда ее коллега Оуэн Джеймс пролил себе на брюки кофе в начале рабочего дня.

– Молодец! – Делия улыбнулась мне и присела на стул рядом с Шей. – Я настолько не в теме! Даже не знала, что ты с кем-то встречаешься!

Я заметила, что она немного обижена.

– Нет, мы не встречаемся, я его компаньонка.

– И уборщица, – не удержалась Шей.

Увидев удивленное лицо Делии, я поспешила рассказать ей все то же, что рассказала Шейле, добавив:

– Я думала, что ты в обед дежуришь, иначе дождалась бы тебя, чтобы рассказать.

– Меня заменила Аманда. Мне надо помогать Джейдену с одним из его перспективных арт-проектов, так что я задержусь в школе допоздна.

– Ты слишком милая, – прокомментировала Шей, – не человек, а сладкая конфетка!

– Это какое-то странное оскорбление, – ответила она, – но мы сейчас не о том, насколько я милая. Может, лучше поговорим о возможных последствиях поступка Мэдисон?

– Ты о чем? – спросила я.

– То, что ты будешь убираться в его квартире, – это укладывается в традиционную схему экономических отношений полов.

– Если не считать, что я не вписываюсь в роль, так как без понятия, как убираться.

– Хорошая мысль, – сказала она, прихлебывая мятный чай.

Все это время Шейла с бестолковой улыбкой продолжала смотреть на фотографию Тайлера на моем телефоне. Намек понят. Однако это уже нервировало. Я даже потихоньку начала ревновать.

Шей повернула телефон Делии.

– Ты видела, что у него еще и собака есть? Красота плюс любовь к собакам равняется двойная сексуальность. Такая вот арифметика. Говорю как учитель математики!

Я не могла сдержаться и не похвастаться, потому что знала еще кое-что о Тайлере.

– Он спас собаку, Пиджин, от людей, которые над ней издевались. Ну вообще сначала она попала в приют, а потом к нему. Тем не менее.

Шей кивнула.

– В мои подсчеты закралась ошибка. Он не в два, а в тысячу раз сексуальнее!

– Он живой Капитан Америка, – согласилась Делия. – У него тоже должен быть свой ежегодный парад с конфетти.

– Командовать им буду я, – Шейла засмеялась.

– Думаю, то, как мы запали на него все трое, демонстрирует, как мы одиноки, – сказала я.

Шей замотала головой.

– Я часто хожу на свидания.

– Я имею в виду отношения, длящиеся больше одного свидания.

Она возмущенно округлила глаза и заявила:

– Надо изучить твоего Тайлера Росса поподробнее.

– Нет, – сказала я, потянувшись, чтобы забрать телефон, но она не отдала. Делия взяла свой телефон и забарабанила пальцами по экрану. – Он много лет не писал ничего в фейсбуке. Аккаунт в твиттере тоже не получается найти.

Шей показала мне телефон:

– Посмотри его инсту! Он не просто взял собаку из приюта, он еще и волонтерит в нем. Кстати, о волонтерстве, он участвует в акции компании по производству кофе, которая на свою прибыль строит дома для бедных в Гватемале. Он сам вылетал в эту страну помогать строить. Он настоящий Капитан Америка. – Она помолчала, проглотила слюну и продолжила: – О, посмотри, как мило! Он фоткается с собакой и в фотошопе добавляет фоны с известными местами. Эйфелевой башней, Колизеем, статуей Свободы. Он говорит, что боится летать, но хотел бы показать ей мир. Это офигенно! Он даже ставит хештег #другиеместакудайтебясвою!

– Хватит! – сказала я, пытаясь взять телефон назад.

Шей постукивала пальцами по экрану, не обращая на меня внимания:

– Может быть, он слишком добрый.

– Слишком добрый? – повторила я за ней. – Это как?

– Да. Знаешь, он может быть из таких людей, которые настолько готовы помочь, что все ими пользуются.

Я не знала его так хорошо, чтобы предположить, насколько она права. Может быть. Но он казался сильным, уверенным в себе человеком, и мне было сложно такое представить.

– Лично я думаю, что тебе следует выйти за него замуж немедленно! – провозгласила Делия. – Теперь зайдем на сайт LinkedIn и посмотрим на его карьеру.

Хватит!

– Мы лезем не в свое дело! Перестаньте!

На другом конце комнаты послышался громкий мужской смех. Он положил конец нашим поискам. Мы обернулись и увидели Тристана Реймона и Оуэна Джеймса, которые громко потешались над нами. Тристан махнул рукой Делии, а она притворилась, что не заметила. Оба парня были высокими, Тристан – темноволосый и черноглазый, Оуэн – его полная противоположность, блондин со светло-кариими глазами. Оба начали свою карьеру в школе пять лет назад и успели подружиться. Академия открылась только десять лет назад, и в Милстоне было необыкновенно много молодых учителей. До недавнего времени это не доставляло никаких проблем.

Но тут началось соперничество Оуэна и Шей. Тристан со своими неумелыми подкатами к женщинам казался на фоне Оуэна просто эмоционально незрелым мальчиком. Шейла и Оуэн буквально ненавидели друг друга.

Оуэн кивнул в сторону Шей и спросил:

– Чего улыбишься? Охотники наконец принесли тебе сердце твоей падчерицы?

Это заставило Шей отложить мой телефон, и я воспользовалась возможностью наконец его забрать.

– Смотрите, какой придурок пожаловал.

– Как обычно, красноречива и обаятельна, миз Симмонс. Но думаю, я лучше выйду, так как вы уж очень предсказуемы, и я знаю, что будет дальше.

– Возьми-ка на выходе велик и катись в известном направлении! – предложила Шей, сложив руки на груди. Я ждала реакции. Парень не дурак и понимал, в каком таком известном направлении предлагалось катиться.

Оуэн встряхнул головой и вышел. Тристан последовал с застенчивой виноватой улыбкой.

– Надо, чтобы законом официально разрешалось бить таким морду! – пробормотала Шей, шепотом припечатав его бранным словом.

Я подумала, что лучше отвлечь ее, и помахала у нее перед глазами телефоном:

– Я собираюсь въезжать сегодня.

Это помогло. Она наклонилась ко мне и сказала:

– У меня два вопроса. Первый: я помогу тебе с переездом?

– Конечно, – я рассчитывала на ее помощь, потому что у меня было очень много одежды.

– И второе: у Тайлера, случайно, второй комнатки не найдется?

Глава четвертая

Шейла ощутила подобающий восторг от квартиры Тайлера. Ее впечатлил консьерж по имени Джеральд, встретивший нас в холле, роскошный лифт, красивый вид, открывающийся с балкона, технологичная кухня, моя большая, пышно обставленная спальня.

– Да твоя комната размером со всю мою квартиру!

Я ничего не ответила, но, уж поверьте, знала, о чем она.

Она забурилась в комнату Тайлера, и я увидела мельком хвост скрывшейся под кроватью Пиджин.

– Давай, надо закончить мой переезд, – я потянула Шей за рукав и закрыла дверь. Мне тоже хотелось полюбопытствовать, но я не хотела нарушать чужое личное пространство и создавать дополнительный стресс для Пиджин.

Поднимать на этаж весь мой хлам, даже с помощью Джеральда, было долго и утомительно. Я говорила себе, что это отличная тренировка мышц, особенно ввиду того, что я больше не имела возможности заниматься со своим личным тренером.

Мы почти уже закончили, когда я услышала голос Тайлера:

– Мэдисон?

Звук его голоса, произносившего мое имя, отозвался мурашками по телу. Мы с Шей все еще были в моей комнате, расставляли коробки. Мы обменялись взглядами, и, прежде чем я успела попросить ее вести себя прилично, Тайлер постучал в дверь и просунул голову.

– О, привет! Не думал, что тут целая компания. Я Тайлер.

Шей застыла как вкопанная.

– Это Шей, моя лучшая подруга.

– Рад познакомиться, – он улыбнулся ей, затем сосредоточил взгляд на мне. – Эй, я переоденусь и приду тебе помогать с остальными коробками.

– Супер!

Когда я услышала, как дверь его комнаты захлопнулась, сказала Шейле:

– Дам тебе тот же совет, что некогда дала мне Фредерика. Закрой ротик, дорогуша!

Она вышла из транса гораздо быстрее, чем в аналогичной ситуации я:

– Ты шутишь, да? Я имею в виду, ты говорила, что в жизни он выглядит круче, но сколько нынче дьявол дает за душу смертного?!

Не совсем понимая, к чему она ведет, я переспросила:

– Чего?

– Можно предположить, что ты продала душу, такой он дьявольский красавчик! – она помедлила, прижала палец к губам и продолжила: – Ты же понимаешь, что он стоит полуголый в комнате напротив *прямо сейчас*!

Непрощеный ряд образов заполнил мое сознание, и мне пришлось часто заморгать, чтобы он прекратился.

– И? – с наигранным хладнокровием переспросила я.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшую:

– На твоём месте я бы снесла к чертям дверь в его комнату и получила свое.

– Он как раз этого хочет избежать, помнишь?

– Пусть тогда прекратит быть таким красавчиком. Господи! Он такое солнышко, что круглосуточно освещает три окрестных района! – она потрясла головой, как будто это было за пределами ее понимания: – Объясни мне снова ситуацию, как дурочке. Ты живешь с этим мужчиной и тебе не разрешается проявлять к нему симпатию?

– Симпатизировать можно, – с надеждой на правильность своего предположения ответила я, так как я уже ему симпатизировала, – но мы оба понимаем, что никто не будет переходить к активным действиям. Под «никто» я имею в виду себя.

У нее в глазах проросла искорка:

– То есть ему к тебе подкатывать можно?

Если бы!

– Такого не произойдет. Фредерика сказала ему, что я якобы встречаюсь с Брэдом.

– Хм. Да. И Тайлер похож на порядочного парня, поэтому ничего не предпримет, – в ее голосе было столько разочарования, что я рассмеялась.

Потом она добавила:

– Такое могло случиться только с тобой. Потерять все деньги, быть не в состоянии позволить себе снять квартиру – и въехать в шикарный пентхаус к парню, горячему, как раскаленная поверхность небесного светила. Если бы я тебя так не обожала, возненавидела бы. А точно больше комнат нет у вас тут? У тебя такой большой шкаф, я могу остаться в нем жить.

Мы услышали, как Тайлер открывает дверь. Он заглянул.

– Твоя машина припаркована снаружи?

– Моя, – ответила Шей, картинно хлопая глазками. Ее голос изменился и стал бархатным. – Я покажу тебе, где остальные коробки.

Я пошла было за ними, но Шей обернулась и шикнула на меня:

– Стой тут. – Я поборолла ревность и вышла, наблюдая издалека, как она идет с ним к лифту. Напоследок она обернулась и беззвучно проартикулировала: «Боже!»

Я сдержала смех, пока лифт не закрылся. Я знала, что она шутит и уж никак не поселится в моей комнате, но на подсознании понимала, что хорошо бы иметь ее здесь в качестве гаранта моей порядочности. Сдерживающего фактора, не дающего нарушить личные границы Тайлера. Потому что иначе не получится.

Но Шейле нужно было отвоевать обратно свое личное пространство. Пора становиться тем самым взрослым человеком, которым я давно уже притворялась.

Когда они вернулись, они оба смеялись, и я без особой надобности пригласила их в свою комнату. Шей уже воспользовалась своей возможностью пофлиртовать, так что в этот раз за оставшимися коробками спустилась я. За считанные минуты мы все внесли и разместили в моей комнате. Я уже готовилась, что распаковка вещей займет значительное время.

Тайлер упер руки в бедра, как киношный супергерой:

– Вроде как все. Прощу меня простить, я в душ. Рад познакомиться, Шей!

– Взаимно! – сказала она, и мы оба посмотрели ему вслед.

– Ничего не говори про то, что он моется в душе, – предупредила я, когда за ним закрылась дверь. – Мой влюбленный мозг взорвется.

Она подмигнула мне и потянулась к своей сумочке.

Мне пришло уведомление об СМС. Сообщение оказалось от мамы. В нем говорилось:

«Семейный ужин. Водитель заберет тебя в 7:30. Пришли адрес».

– Что там? – спросила Шей. Я показала свой телефон.

Такое сообщение и приглашение нельзя было проигнорировать. Родители ясно дали понять, что не разговаривают со мной, поэтому присылали СМС с указаниями, чтобы я приходила на ужин, и отказ повлек бы нагнетание страстей, сравнимых с мексиканским сериалом. Все условия диктовала мама.

Ну почти все.

– Хочешь со мной? – спросила я Шей, улучив момент после отправки сообщения с адресом Тайлера.

– Ой, я бы пошла, но есть одна проблема: не хочу.

Я вздохнула:

– Отлично. Оставляй меня на съедение одну.

– Все будет хорошо! Передавай Сатане и ее мужу от меня приветики!

Я уже воображала, какая у мамы будет реакция, если я передам такое сообщение, когда она сказала:

– Проводи меня до машины.

– Что, разве ты не хочешь остаться и посмотреть, как он будет выглядеть, обернувшись полотенцем? – поддразнила я ее.

– Не искушай меня. Идем. – Мы направились к лифту и подождали, когда он поднимется на верхний этаж.

– Чтобы ты знала, – сказала Шей, – думаю, он уже с кем-то встречается.

Почему от этого у меня упало сердце?

– Почему ты так думаешь?

– Я только что провела наступление, пока мы шли к машине, и ничего. И глазом не моргнул. А я разложила много приманки.

Двери открылись, и мы вошли:

– Ты путаешь метафоры.

– Так или иначе, я рада, что тут живешь ты, а не я. Ты гораздо лучше меня.

Я сомневалась в этом. Мне следовало держать свои губки и чумазные лапки под контролем.

Она продолжала:

– Думаю, Тайлер – доказательство, что жизнь очевидно несправедлива. Как такой красивый парень, богатый, равнодушный, очаровательный, к тому же еще и спасает собак, с которыми плохо обращаются? Как будто создатель наделил его просто всеми положительными качествами, какие существуют в этом мире.

Пока я смеялась над этим замечанием, дверь в коридор открылась. Шей была права. Абсолютно несправедливо, что Тайлер настолько идеален. Мы с Шей махнули на прощание Джеральду, и я поблагодарила его за помощь.

Мы дошли до машины Шей, и я сказала:

– И спасибо за твою помощь. За все. Без тебя я бы не справилась.

К моему удивлению, она обняла меня. Она не из тех, кто часто это делает.

– Удачи на новом месте. И знай, что, если ты якобы в приступе лунатизма заберешься ночью к нему в постельку, никто не будет тебя осуждать.

Снова смеясь, я обняла ее еще крепче. Она не знала, как много значит для меня эта дружба и как я полагалась на нее. Я сказала, что скоро позвоню.

– Да, звони скорее, – ответила она. – Хочу узнать, что хочет королева преисподней. Также помни, общаясь с семьей, что мы живем в Техасе, так что, пожалуйста, не делай ничего, за что полагается смертный приговор.

– Не могу такого обещать.

– Окей, окей. Но если Тайлер спросит обо мне, я свободна и готова к отношениям! – она улыбнулась, кивая мне. Она последний раз махнула мне, села в машину и уехала. Я направились обратно в дом. Когда я вошла в квартиру, дверь Тайлера была все еще закрыта, и я зашла в свою комнату и открыла ближайшую ко мне коробку.

В ней были свитера, о самом существовании которых я вообще забыла. На квартире Шейлы я пользовалась содержимым только пары чемоданов, большую часть одежды оставив в коробках. Вытащив свитера, я нашла немного белья. Милое бельишко! У меня было его так много!

Жаль, кроме меня, на него было некому смотреть.

Я просмотрела еще несколько коробок и нашла юбки и платья, джинсы и блузки – так много вещей, которые я была рада снова надеть. В четвертой коробке я обнаружила свою

кружку с надписью «Лучшему учителю в мире», которую Шей подарила мне на выпускной. Я принесла ее в кухню и с удивлением увидела Тайлера у плиты. Напевая что-то под нос, он готовил.

Увидев его, я почувствовала легкие мурашки от его присутствия рядом. Его плечи были такими широкими, он был восхитительно высок, его руки – идеальной формы... Я откашлялась и выдавила:

– Привет.

Мне захотелось закатить глаза от собственной глупости. Мы же живем вместе. Не обязательно здороваться каждый раз, когда его видишь.

К счастью, ему не потребовались объяснения для моего глупого поступка.

– Привет! Я делаю феттучини альфредо. Хочешь?

Он собирался угостить меня? Он вообще не понимал возможных последствий своих действий? Я же влюблюсь в него, это очевидно. *Будь взрослой, соблюдай правила*, сказала я себе, ставя кружку на высокий стол. Я села на барный стул и ответила:

– С удовольствием!

Кивнув на мою кружку, он спросил:

– Тебе помочь разобрать вещи?

О, он думал, что я нормальный человек и у меня есть еще что поставить на кухню, кроме одной кружки.

– Не надо, я сама. Это как на Рождество, когда распаковываешь подарки, только вещи уже твои. Забыла половину вещей. Например, сумку от «Биркин», которую бабушка подарила на выпускной. Одна из моих любимейших вещей! – Моя мама была в бешенстве, когда я ее открыла. Это была сумка из первой партии «Биркин», и мама хотела себе именно ее.

Она была шокирована, когда я отказалась ее отдать.

– Хорошо, что тебе нравится разбирать вещи. Для большинства людей это просто утомительная обязанность. Кстати... – он повернулся и снял с холодильника листок бумаги: – Так, это полный список обязанностей по дому, скопировал с одного интернет-ресурса о домоводстве. Полезный список. Если ты не хочешь делать все, как тут указано, это на твое усмотрение.

Он вручил мне бумажку с обязанностями по дому. Вытирать пыль, пылесосить пол, мыть окна. Мыть унитазы. Фу. Я почувствовала отвращение. Даже не думала о таком. Готова это делать только в защитном костюме со шлемом.

– Не беспокойся о моей комнате и моем туалете. Как я и говорил, я буду убираться за собой. От тебя требуется более тщательная уборка в общих зонах. Ты согласна на это?

– Да, – ответила я, ведь надо было соглашаться.

– Пока помню, на холодильник я повесил свой календарь, чтобы ты знала, когда я здесь, а когда в отъезде. Утром я лечу в Нью-Йорк, и меня не будет несколько дней.

– Спасибо, что позаботился.

Тайлер кивнул и взял две тарелки. Он начал наполнять их едой, но я остановила его, сказав:

– Мне много не клади, я иду вечером на семейный ужин.

– Конечно. Кажется, ты не очень рада ужинать с родителями. Звучит, будто ты собралась на похороны.

– Еще не вечер. Кто знает, что грядет, – пошутила я и, осознав, что Тайлер может не понять юмор, добавила: – Извини, моя семья портит мне настроение.

– О, это я более чем понимаю! – С улыбкой, от которой я растаяла, он поставил тарелки на маленький столик в столовой между кухней и гостиной. – Захватишь вилки? Они в шкафчике рядом с посудомоечной машинкой.

Я не была абсолютно уверена, какой из приборов – посудомоечная машинка, но, к счастью, догадалась правильно и нашла столовое серебро. Я подошла к столу и передала ему вилку.

Когда наши руки соприкоснулись, я затаила дыхание, ощущение его прикосновения сводило меня с ума.

Очевидно, он не чувствовал того же, что и я:

– Спасибо. Налетай!

Несмотря на отсутствие у него интереса ко мне, я поняла, что все еще хотела снова, как бы случайно, коснуться его руки, так что сосредоточилась на еде. Накрутила пасту на вилку, поднесла ко рту и постаралась не стонать от удовольствия, когда начала ее есть. Это было настолько лучше, чем мои любимые готовые завтраки.

– Это потрясающе!

– Знал, что мы родственные души! – он подмигнул, и во мне что-то будто перевернулось.

– Если ты будешь и дальше меня так кормить, я буду говорить тебе какие только захочешь комплименты!

Он засмеялся, и в его смехе была магия, дарящая мне легкость и приятное оживление. В этом парне было что-то необъяснимое и неуловимое. Что-то, что мне нельзя было до поры познать.

Он был не просто красив и сексуален, что, конечно, нельзя было отрицать, в нем было нечто притягательное. Ему не требовалось усилий, чтобы очаровывать. Люди чувствовали расположение к нему и хотели быть рядом. Или просто так совпало, как я видела в случае с тремя разными женщинами. У меня было чувство, что точно так же будет с каждой женщиной в его присутствии.

Поэтому не удивительно, что можно даже по суду быть лишенной возможности его видеть.

Прервав мои размышления, он заговорил:

– Забыл сказать раньше, я хочу, чтобы тебе здесь было комфортно. Ты свободна украшать свою комнату как только хочешь, вешать семейные фото или что угодно другое.

– О нет, они не любят фотографироваться. – Не говоря о том, что я меньше всего хотела бы каждый день видеть с фото мамин неодобрительный взгляд.

Он засмеялся над моими словами:

– Я серьезно. Предложение в силе. Теперь это и твой дом.

– Спасибо. – Я не представляла, чтобы я сделала такое. Он, очевидно, много заплатил дизайнеру, чтобы квартира выглядела определенным образом, и я не собиралась ее портить. Мне даже было немного грустно, что он поселился в этой дизайнерской квартире. Я оглядывала ее, чувствуя, что ей не хватает индивидуальности Тайлера. Она была по факту красива, но не ощущалась по-домашнему. Такой он и видел свою жизнь и свое личное пространство. Окруженный декорациями, цель которых – впечатлять.

Дом моего детства выглядел так же.

Независимо от того, какой он был милый и привлекательный, мне надо было помнить, что Тайлер был таким же, как люди из моей прошлой жизни. Недавно я решила, в основном благодаря Брэду и родителям, что мне не интересно встречаться с богатым мужчиной. Я повидала богатую жизнь. Я в ней выросла. Это не то, что мне нужно. Я не хотела, чтобы фасад значил больше, чем все остальное. Когда ничего страшного, что твой брак распадается, если ты держишь лицо и притворяешься, что все нормально. Когда не уделяешь внимания детям и их воспитывают няни, потому что тебе надо в спа-салон, а ты несколько раз в год берешь отпуск, потому что твоя жизнь полна стресса. Жизнь, где ты стравливаешь собственных детей, чтобы они соревновались за твое время и внимание.

Справедливости ради, наверное, существовали богатые семьи, в которых все ладилось. Просто я как-то таких не встречала.

Это значило, что, вопреки моим мечтам, мне не суждено было разделить жизнь или завести семью с Тайлером. Я здесь ненадолго. Мне надо скопить достаточно средств, чтобы снять приличную квартиру, и тогда я уеду.

– Как давно ты дружишь с Шей? – спросил он.

Я начала было ревновать, но сдержалась.

– С первого курса института.

– Расскажи о ней.

Ревность разгорелась снова. Он заинтересовался ею? Или спросил просто для поддержания беседы? Я напомнила себе, что это не важно, и ответила на его просьбу:

– Она учительница, как и я. Преподает математику в средней школе. Очень умная. Прекрасный человек. Она, хм, одинока. Если тебе интересно.

Он застыл на секунду с едой во рту, как будто я застала его врасплох. Секунду спустя пришел в себя.

– Она милая, но не в моем вкусе.

А кто в твоём вкусе? Слова были готовы сорваться с языка, и только максимальное самообладание помогло мне сдержать их. Можно подумать, я спрошу, а он ответит: «Конечно же, ты!» После этого мы поцелуемся, и экран потемнеет.

Нет. Это была реальная жизнь. Мне надо было об этом помнить.

Еще мне следовало помнить, что не надо лезть в его личную жизнь. Мы собирались быть соседями, а не лучшими друзьями.

– Мысль ясна.

Казалось, он старался ни в коем случае не обидеть меня.

– Не хочу выразить неуважение к твоей подруге. Просто моя жизнь не подходит для отношений. У меня очень много обязательств.

– Каких? – Слова вырвались прежде, чем я смогла сдержать их. Может быть, это я могла обидеть его слишком личными вопросами. Притом что только что велела себе не вмешиваться.

– Долгая история. Расскажу когда-нибудь потом.

Ага, зашла слишком далеко. Потому что так говорят, когда не хотят отвечать.

Мне стало интересно, права ли Шей в своей догадке, что у него уже есть девушка. Не было на то похоже. Исходя из его слов, как раз наоборот, но я решила больше не спрашивать об этом.

Беседа зашла в тупик, и я снова чувствовала себя дурочкой.

– Что ж, нужно распаковать еще пару коробок и подготовиться к встрече с родителями. Спасибо за ужин! – Я отнесла тарелку в раковину и хорошенько отмыла. Пожив у Шейлы, я узнала, как это важно. Она отказывалась от моей помощи на кухне, говоря, что я все делаю не так. Это не делает мне чести в ситуации с Тайлером, но я придумаю, как все исправить.

– Перед тем как ты уйдешь, давай обсудим распорядок жизни Пиджин.

– Давай.

Он подошел и тоже помыл за собой тарелку. Наклонился так близко, на меня пахнуло его теплом, и я закрыла глаза, вдыхая его аромат, пока не смогла отойти на шаг назад. Он оставил тарелку в раковине, что помогло мне почувствовать себя немного лучше, поскольку я имела обыкновение поступать так же. Шей была из тех людей, которые, поев, сразу кидают тарелку в посудомоечную машину. Я старалась помнить об этом, но постоянно огорчала ее своей невнимательностью.

Тайлер показал мне корм Пиджин в кладовке, где стояли миски для собачьей воды и еды, объяснил, как часто кормить ее в его отсутствие. Он нанимал студента, чтобы тот гулял с собакой утром и вечером, так что мне не надо было выходить с ней, если только она сама не просилась на улицу.

В этот момент я поняла, что не имею ни малейшего понятия, как гулять с собакой. Еще одна вещь, которую придется искать в гугле.

– У тебя всегда были собаки? – спросила я. Я так хотела знать о нем все.

– Нет, Пиджин – мое первое домашнее животное.

– Ты не думал завести никаких других животных? Кошку?

– Кошку? – он поморщился. – Никогда. Ни за что не приведу домой социопата, который заманит ложным чувством безопасности, а потом сожрет тебе лицо.

Я рассмеялась.

– Некоторые кошки способны любить. – Не то чтобы у меня было такое знание из первых рук, но утверждение должно было быть верным.

– Все для отвода глаз. Они так и не забыли, что им когда-то поклонялись как богам. Собаки никогда не задумают уничтожить человечество. Именно поэтому я взял себе домой Пиджин.

– Она не сожрет тебе лицо?

Он улыбнулся.

– Вполне уверен, она не замышляет лишить меня жизни. А еще хорошо жить с тем, кто не хочет от тебя ничего взамен.

Ого, это глубокая мысль и снова не мое дело. А как хочется еще порасспросить его!

Прежде чем я придумала, что ответить, он сказал:

– Раз уж мы говорим о животных и их дьявольских планах. Есть еще кое-что, что ты должна знать о Пиджин: она любит обувь. Под любовью я имею в виду, что она жует ее, разгрызая на маленькие кусочки, пока обувь вообще не перестанет быть похожей на обувь. Так что держи шкаф всегда закрытым.

– Ясно. Она придет жевать мне не лицо, а туфли. – У нас с Пиджин намечается конфликт, если она сжует мою обувь. Мне пришлось распродать большую часть своих сумок и туфель. Обувь, которую я носила сейчас, была недорогая, и я не была эмоционально привязана к ней, но у меня не было больше денег, чтобы купить себе еще недорогой обуви.

Он провел меня в гостиную, где стояла огромная собачья лежанка.

– Пидж странно себя ведет, когда ей пора спать. Иногда она хочет спать в одной постели со мной, иногда предпочитает спать здесь, в этой кровати. Пожалуй, когда я уеду, она будет спать на этом месте. Но... – Он нагнулся и поднял пару игрушек в форме голубей. – У нее есть вот это. Игрушки из приюта. Поэтому я и назвал ее Пиджин – Голубок. Без них она не может. Я купил ей плющевого голубя, и она спит с ним каждую ночь. Еще надо укрывать ее любимым одеялом.

Я не могла скрыть улыбки от того, как мило все это было.

– Знаю, знаю, – сказал он с улыбкой, – я балую ее.

– Совсем немного. И думаю, меня тоже в детстве баловали.

– Если я люблю, то это не бывает впосилы.

Мое сердце больно сжалось. Никогда никто не любил меня так, как этот мальчик любил свою собаку.

Я прокашлялась. На мое удивление в горле был ком.

– Думаю, все поняла. Не беспокойся ни о чем. Все под контролем.

Я отодвинулась от него, но он ласково взял меня за плечо, чтобы задержать.

Его прикосновение отдалось во всем теле.

– Подожди секундочку. Мы должны обменяться номерами. Просто на случай, если тебе понадобится со мной связаться.

– Верно. Отличная идея. – Я протянула ему телефон, надеясь, что он не заметит дрожь в моих руках. Я пыталась успокоить внутреннюю четырнадцатилетнюю девочку, которая бы

запрыгала от мысли, что получила его номер. Что было глупо, ведь я уже даже жила в его квартире.

Он позвонил с моего телефона на свой и, когда звонок прошел, вернул телефон мне. Когда я добавляла его в список контактов, пыталась удержаться, чтобы не написать «*Красавчик Тайлер*». Просто не стоило.

– Вот. Увидимся через несколько дней.

– Да! – Все еще чувствуя себя неловко, я продолжила говорить, тем самым усложняя ситуацию: – Мне надо готовиться к ужину с семьей. Я бы пригласила тебя, но, похоже, ты приятный человек и будет жестоко знакомить тебя с ними. Я бы и сама не пошла, но у меня нет выбора.

Заткнись, сказала я себе. *Прекрати говорить, просто... Заткнись!*

Он заложил руки в карманы джинсов.

– Я считаю, выбор есть всегда.

Я покачала головой. Нет, если это относится к моей маме.

– Не совсем так, – решила ответить я.

– Понимаю.

Что случилось в его жизни, что он иногда тоже оставался без выбора? Интересно, расскажет ли он когда-нибудь?

Не к добру, что я столько хочу узнать о Тайлере.

Я прокашлялась.

– Ну, хорошей поездки и увидимся, когда вернешься!

– Хорошего вечера. Или... нехорошего.

Отлично. Все складывалось отлично. Я научусь убираться, заботиться о собаке, держать свои чувства под контролем, пойду в родительский дом и посмотрю, какой ночной кошмар ждет меня там.

И, надеюсь, ужин с мамой будет не так плох, как я совершенно точно его себе представляла.

Глава пятая

Мне было приятно видеть, что за мной прислали водителя Джулио. Это он некогда учил меня водить и помогал получить права. То, что мои родители не уволили его за это, было облегчением. Он рассказал мне, как дела у трех его маленьких сынишек (он с любовью называл их непоседами), и беседа с ним отвлекла меня от мыслей о том, куда мы едем.

Пока мы не подъехали. Я стояла у входной двери, не решаясь позвонить и войти. Проблема была решена за меня. Дверь открыл дворецкий, Кофлин. Я хотела обнять его, но, заметив его холодность, передумала.

– Добрый вечер, мисс Хантингтон.

Он впустил меня, и я прошла за ним по нашему длинному холлу.

– Как дела, Кофлин? – спросила я, пока он складывал мое пальто.

– Как и следует предполагать в данных обстоятельствах. Солнышко ушло от нас. – Я заметила искорку в его глазах и почувствовала облегчение оттого, что верность родителям не настроила его против меня. Когда я была маленькой, персонал называл меня *Солнышко*. Думаю, в семье этого никто не знал. – Семья собралась в западной гостиной.

Он остановился у двери, и я рискнула поцеловать его в щеку.

– И я по вас скучала, Кофлин.

Он слегка покраснел, улыбнулся и кивнул. Пока он шел назад, я сделала большой вдох. Я смогу. Может быть, все будет еще не так плохо.

– Кстати, о том, что мама и папа сделали для сохранения брака. К нам пришла Мэдисон!

Пронзительный голос моей сестры Ванессы разрушил последние надежды насчет этого вечера. Не обращая внимания, я направилась прямо в львиное логово, пройдя к прохладительным напиткам с целью налить себе стаканчик. Или двадцать стаканчиков. Что угодно, что поможет мне пройти через это. Я не знала, есть ли в словах сестры доля правды. Я знала, что появилась у родителей, когда двойняшкам было по десять. Это была последняя попытка подарить отцу сына. Все были разочарованы, что я девочка, и мне напоминали об этом все двадцать три года жизни.

Ванесса не дождалась ответа на свой выпад, повернулась к мужу, Гилберту Вашингтону Бьюкенену третьему, и что-то велела ему недовольным тоном. Гилберт был внуком бывшего президента США и имел свои собственные политические притязания.

Если быть точнее, амбиции сыпались на него от всех окружающих его людей, потому что Гилберт был несказанно глуп. Однако его узнавали благодаря известному имени. Люди любили его деда. В настоящее время он «работал» вице-президентом отцовской компании и ждал отцовской отставки с поста сенатора, чтобы занять его место. Тогда Ванесса станет идеальной женой политика, будет ходить в розовых деловых костюмах, с высоким начесом, как наша мама.

Вторая сестра, Виолетта, сидела спиной к этой паре, что было не очень умно. Никогда не подставляйте уязвимое место хищнику! Она была очень увлечена беседой с мужчиной, которого я не узнала. Мой взгляд не задержался на нем еще и потому, что она перетянула все внимание на себя. Она покрасила волосы в темно-каштановый, почти черный. На ней было черное коктейльное платье очень угловатого кроя. Она излучала богатство и власть. И имела на это все основания – она собиралась занять пост генерального директора фирмы после ухода отца. Было немного странно осознавать, что в этой комнате собрались люди, которые получают работу мечты после ухода (увольнение – это не его слово) или смерти своего отца.

Я также осознала, что выбрала наряд – юбку, блузку и кардиган, абсолютно не подходящий торжеству. И мне плевать. Это большой шаг вперед.

Прежде чем нырнуть в центр неприятных для меня бесед, я прошлась по комнате. В детстве я не проводила там много времени, потому что этот зал устроен специально для устрашения и унижения. Мне захотелось в подражание двоюродной бабушке Иде стащить что-то ценное и продать. Я даже схватила за яйцо Фаберже, стоящее на книжной полке. Меня не воспитывали особенно высокоморальным человеком. Наоборот, меня учили любой ценой добиваться целей, как будто законы носят рекомендательный характер. Своим слугам и учителям я обязана тем, что знаю, что хорошо, а что плохо. Это означает, что я не смогу жить спокойно, если украду что-то у родителей.

– Присоединяйся к нам, Мэдисон, – пригласила Ванесса. Я сожалела, что она снова была беременна и не могла пить, потому что – редкий тип людей – трезвая она была еще несноснее. – Расскажи-ка нам о своей школе и как ты стала прославленной няней.

Я закрипела зубами и досчитала до пяти. Медленно.

– Нет, спасибо, я не в настроении терпеть тебя и твои мерзости.

Она притворно засмеялась, как будто бы я от души насмешила ее.

– Ну, ты же знаешь, что мы просто беспокоимся о твоём здоровье! Все эти детки и их болезни...

Я собиралась напомнить, что она беременна четвертым, но остановила себя. Она понимала только один ответ:

– Не беспокойся обо мне. Лично я немного волнуюсь, как, сидя на шее родителей, ты сможешь родить своего ребеночка. Не повлечет ли такое неудобное положение травмы?

Теперь она искренне засмеялась:

– О, котенок выпустил когти! Это так мило!

Я ненавидела, что они все время заставляли меня чувствовать себя вот так. Как будто я мышонок, пытающийся рычать как лев. Будто я слишком маленькая и глупая, чтобы воспринимать меня всерьез. Так было всю мою жизнь.

Тихо зазвонил колокольчик, по коридору застучали громкие шаги. Это значило, что идет мама. Я сделала большой глоток виски, поморщившись, когда напиток обжег мне горло.

– Ледяная комета, – сказала Виолетта громким шепотом, чтобы все слышали, но никто не ответил.

Через несколько секунд в зал величественно вошли мои родители. Отец своими густыми, посеребренными сединой волосами был обязан дорогостоящей пересадке прядей. На нем был костюм с синим галстуком. Он подошел к Гилберту, вероятно, поговорить о бизнесе. Хоть я и усомнилась, как пройдет такое одностороннее общение.

Если любимый цвет Фредерики – красный, то моя мама предпочитает розовый. Она затянулась в нежно-розовое платье-футляр, украсив его большим ожерельем с бриллиантами и подходящими по стилю сережками. Пепельные волосы были забраны в ее фирменный пучок. Не припомню ее вообще когда-нибудь с распущенными волосами.

Она подошла прямо ко мне. Я съежилась и приподняла голову. Я справлюсь.

– Мэдисон.

Ох-ох. Тут не приходилось надеяться ни на каплю тактичности.

– Рада видеть тебя, мама. – Если быть точнее, рада наблюдать произошедшее только что изменение в ее лице.

Я знала, что не мне судить ее. Я либо унаследовала ее тщеславие генетически, либо впитала ее воспитание, хоть и пыталась быть более глубоким человеком. В ее возрасте я, скорее всего, тоже сделаю пластику лица. Ну если смогу себе это позволить финансово, что вызывает сомнения.

– Знаешь, что мне сегодня пришлось делать? – спросила она требовательным тоном, и я глубоко вдохнула, отмечая первые напрашивающиеся варианты ответов.

Слишком бурно реагировать на мнимое оскорбление?

Составлять список, в чем я не преуспела и разочаровала тебя?
Надуться на то, что кто-то не признает твои заслуги и важность?
Сесть на новую диету?

В итоге я сказала просто:

– И что же? – вроде как безопасная реплика.

К нам присоединился отец:

– Что я пропустил?

Наступила неудобная пауза. Мама была раздражена тем, что ее прервали, а я не знала, что говорить дальше. Ему было нечего добавить, кроме уже заданного вопроса. Насколько я могу вспомнить детство, отец никогда, в сущности, не беседовал со мной. Дальше одного вопроса он не заходил. Никогда не могла понять, как человек, способный долго и вычурно распинаться перед СМИ и богатыми спонсорами, с таким трудом общался с собственной семьей.

В дверях появился Кофлин и объявил, что ужин готов. Я хотела снова поцеловать его за то, что временно спас меня от продолжения разговора с матерью.

Все прошли в столовую парами. Я шла одна в замыкающих, как последний, служебный вагон железнодорожного состава.

Я пододвинула себе стул и быстро села, пока двое из персонала разносили первое. Льяную салфетку разгладила на коленях сама, пока никто не сделал это за меня. Мама с негодованием взглянула на меня.

Отец повествовал об особо трудном раунде в гольф, который отыграл в тот день, и в середине рассказа мама перебила его:

– Ты играл с Ренделлом Даксвортом? Я обедала с его женой Лорой. Мы были в Ле Шато в тот день и, к удивлению, встретили сестер Говард и...

Она продолжила говорить, но я не стала слушать. Мама ненавидела, когда переставала быть в центре внимания хоть на мгновение, и часто вворачивала в чужую историю факты о себе. Во время празднования моего дня рождения, когда мне исполнилось двадцать один, я решила пить по шоту каждый раз, когда мама переводила беседу на себя, но фокус не удался: мне пришлось сворачиваться уже через пять минут, так как иначе вечер бы закончился в больнице. Моя печень бы просто взорвалась от количества выпитого.

Отец не был огорчен тем, что его перебили, а просто сидел и спокойно хлебал суп. Моей матери никогда не ставили официального диагноза (и никогда не поставят, она же всегда права), но я подозреваю, что она страдает таким расстройством личности, как нарциссизм. Этим термином немало разбрасываются, но я вполне уверена, что как раз у нее все взаправду. Я прочла много выписок, в инструкции к которым значилось что-то вроде «Пациент страдает нарциссизмом, если у него шесть из двенадцати приведенных ниже признаков», и у моей мамы все двенадцать. Все в нашей жизни вертелось вокруг нее, ее чувств и потребностей; никто больше не имел значения. Мои родители боролись за меня все мое детство. Несколько раз они подходили к мысли о разводе, но в конце концов отец сдался и постарался выживать за счет терпения. Ради сохранения отношений он стал уступать матери во всем. Он всегда был на ее стороне, независимо от того, насколько она была неправа.

Она также усиленно дрессировала моих старших сестер. Если она велит им прыгнуть, они всегда спросят, на какую высоту и что еще сделать после этого. Я единственная противостояла ей.

Мне всегда казалось странным, что мир считал моего отца влиятельным и успешным бизнесменом и политиком, потому что над своей личной жизнью он был не властен. Он всегда делал, что скажет жена, держащая всех в доме в ежовых рукавицах.

Чтобы все в семье держали марку, мать составила завещание с большим количеством предписаний относительно уровня успешности и правильной линии поведения, которой должны придерживаться наследники. Так, чтобы вступить в наследство, обязательным было

получить университетское образование, и родители каждый год звонили своим представителям, оценивая, насколько достойные у нас пары. Было необходимо ходить в церковь и осуществлять волонтерскую деятельность. Не удовлетворять хотя бы одному из этих условий означало быть исключенным из списка наследников. Я подумала, как безгранично грустно, что мать намеревалась пытаться контролировать нас даже из могилы.

Я ощущала немного больше сочувствия, зная, что она ведет себя так, потому что больна, хоть и не признает это. Но меня колоссально злило, что я выросла вот так, полагая, что для родителей нормально говорить ребенку:

– Мою любовь еще надо заслужить.

Мамина история о прогулке по торговому центру со скучными подружками продолжалась, пока мы доедали закуски и уже приступили к горячему. На лбу у меня задергалась венка, и я хотела знать, сколько еще терпеть это все, пока мне не объяснят, что я вообще тут делаю.

Потому что мне было жутко неприятно сидеть и нервничать в ожидании продолжения диалога. Хоть она и говорила какие-то бессмысленности, я все еще чувствовала ее неодобрение по отношению ко мне. Я мучилась. Я бы предпочла, чтобы всех львов спустили на арену прямо в начале вечера, чем все это время ждать.

Затем, как бы в ответ на мое беспокойство, Ванесса сказала:

– Так мы не поговорим про нашу паршивую овцу?

Я знала, как правильно себя повести. Предполагалось, что я опущу голову, устыдившись своего жизненного выбора. Ответа от меня не ожидалось. Я должна была позволить им унижать меня за то, что запятнала имя Хантингтонов.

Так больше не выйдет.

– Приехали. Даже не знаю, как я выживала все эти пять месяцев без вашей постоянной критики!

Ванесса сощурилась на меня.

– Критика – это неприятный способ сказать правду. Никто за этим столом, судя по всему, этого делать не собирается.

– Как хотите, но то, что я преподаю, не делает меня паршивой овцой.

– Нет, не делает, – согласилась Виолетта. Мне хотелось верить, что она поддерживает меня, но я знала, что она всего лишь хочет победить в споре с Ванессой, с которой конкурирует почти с момента, когда они были вынуждены разделить место в материнской утробе.

– Да, – кивнула Ванесса, и ее внимание сосредоточилось на сестре-двойняшке. – Думаю, так называют тех, кто уже в пятый раз возвращается из лечебницы.

– Или, может, женщин, у мужей которых так много любовниц, что хватит на маленькое государство? – прошипела в ответ Виолетта. Хотите верьте, хотите нет, но у нас в семье такие диалоги считаются в рамках приличий. Интересно, не пора ли мне уже отнимать у них ножи?

– Нет ничего плохого в том, чтобы помогать людям. – Я хотела защитить себя и не собиралась разрешать сестре обесценивать мой выбор карьеры.

Ванесса решила выплеснуть свой яд на меня:

– В отцовской фирме ты могла бы возглавить отдел благотворительности. Ты бы помогла гораздо большему количеству людей, чем поможешь, оставаясь учительницей.

Я собиралась объяснить множество причин, по которым она не права, но мать властно велела нам молчать. Пока отец и зять игнорировали всех нас, сосредоточенные на своих стейках, друг Виолетты шокированно молчал. Я хотела сказать ему, чтобы бежал отсюда, и поскорее.

Появился Кофлин, накрыв за столом место для еще одного человека рядом со мной. Что происходит?

– Ты сейчас очень пожалеешь, что у тебя в волосах эта дешевая мишура, – прошептала мне Ванесса, и мне стало интересно, знает ли она что-то, чего не знаю я.

– Что не так с моими волосами?

– Если твоя сестра не хочет платить за предметы первой необходимости, это не наши проблемы, – отрезала мать. Я решила не объяснять ей, что еженедельные походы к стилисту необходимостью не были.

Вместо этого я погрузилась в мысли, кто же присоединится к нам. Репортер? Я была приглашена для этого? Чтобы тиражировать отцовский имидж заботливого отца семейства? Может, мама снова помирилась с Фредерикой? Надо было впечатлить нового бизнес-партнера?

– Рад видеть вас, Констанс! Как поживаете, Рональд?

Моя мама встала, чтобы поприветствовать гостя, и я поняла, что все намного хуже, чем я предполагала.

Это был Брэд. Пришел и здоровался с мамой.

Я едва заметила, как Ванесса самодовольно улыбнулась мне, и к моим ушам прилила кровь, так что я перестала слышать.

Что происходит?

Мама предложила Брэду сесть. Рядом со мной. Она улыбалась.

Внезапно я поняла. Я поняла, что происходит.

Я увидела, как он, подходя, запустил руку в карман пальто. На меня наконец выпустили льва.

Брэдфорд Борегад Брэнсон IV собирался сделать мне предложение.

Глава шестая

Как я не поняла, что это ловушка? Мама заманила меня сюда, чтобы Брэд сделал мне предложение в семейном кругу? Меня поставили в положение, в котором я не смогу отказаться. Фредерика же говорила, что помолвка ожидается со дня на день. Не потому ли, что знала больше, чем я?

В моей груди забурилась ненависть, разливаясь по телу, как раскаленная лава. Я была так зла на них обоих, что не знала, как успокоиться.

Вместо этого я совершила невообразимое. Повела себя грубо.

Я встала из-за стола без извинений, бросила салфетку и направилась на кухню, каждым шагом вбивая в пол злость. Как они могли?

– Мэдисон!

То, что Брэд позвал меня по имени, лишь заставило меня ускорить шаг. Попрошу кого-то из прислуги вызвать Хулио или поеду домой на такси.

– Подожди, – услышала я за спиной. Он схватил меня за руку. Я увернулась.

– Что тебе надо? – огрызнулась я.

– Поговорить минутку. Пожалуйста.

Мой первый импульс был сказать ему, чтобы отвял, но я вспомнила, как любила его в юности. Он стоял там со скромной улыбкой, которая мне всегда так нравилась, и было все сложнее ответить отказом. Как будто бы он знал, что сделать, чтобы я согласилась.

Я кивнула, и мы вошли в кабинет отца. Брэд закрыл дверь, и я сложила руки на груди. С минуту он взволнованно молчал, будто не зная, что сказать. Это было так не похоже на него.

Потому что Брэд был золотой мальчик в обоих смыслах слова. Высокий блондин со светло-кариими глазами. С улыбкой, как на рекламе зубной пасты. Девочки много лет души в нем не чаяли.

Я чувствовала себя особенной, потому что он выбрал меня. Мне достался титул его девушки. Его рука. Мне нравились завистливые взгляды.

Что мне не нравилось – это его неспособность быть верным мне.

– Ну, кхм, привет.

Серьезно? Мы не разговаривали уже три месяца, и все, что он мне сказал, – это «привет»? Я пошла к выходу, и он вытянул вперед обе руки.

– Подожди. Это было глупо. Извини. Просто... мы давно не разговаривали, и я не знал, что сказать.

Когда он перестал отвечать на мои сообщения, мне было больно и обидно. Я хотела притвориться, что его не существует. Чтобы просто... забыть о нем.

Это оказалось сложнее, чем я думала. Он был моим первым парнем. С ним был мой первый поцелуй. Все впервые. В глубине души я очень хотела, чтобы он любил меня так же, как я его. Поэтому я давала ему шанс снова и снова. Как будто бы верила, что, если иметь терпение и подождать, он перестанет быть ублюдком и мы будем жить вместе долго и счастливо.

Он потер подбородок правой рукой, скосившись на меня:

– Я все испортил, да?

Если он ожидал моего ответа или попытки все исправить, то зря.

Я промолчала.

– Полный Брэд вышел, – пошутил он, вероятно, думая, что остроумно сочинять каламбуры со своим именем. Это было одно из его качеств, которые раздражали меня безмерно. Отчасти я сама виновата, что не сказала ему раньше, как это противно.

– О, ты не улыбаешься. Ты не рада, что я иду-брэду к тебе?

– Хватит, – процедила я. – Чего ты хочешь?

Он был обескуражен. Неудивительно: я никогда не огрызалась на него. Я всегда пыталась понравиться ему и никогда не злилась.

Пора было это менять.

– Окей... Вчера вечером я был в Нью-Йорке.

Это не очень много говорило о статусе наших отношений, наверное, но первая мысль при этом у меня была о Тайлере, который скоро будет в Нью-Йорке.

– И я думал о тебе, – продолжил Брэд, – думал, как часто принимал тебя как должное, не ценил. Как соскучился по тебе. Мэдисон, ты лучшее, что когда-либо случилось со мной.

Я моргнула. Когда-то я сделала бы все что угодно, чтобы услышать от него эти слова.

А сейчас? Это было все. Слова. Пустые, бессмысленные слова.

Когда родители выгнали меня и перестали общаться, я обратилась за помощью к нему. Он был моим бойфрендом, и я ожидала от него поддержки. Любви. Но он ни разу не ответил на сообщения, не снял трубку. Пока я не поняла, что кроме того, что потеряла семью, потеряла еще одного человека, который должен был всегда меня поддерживать.

Я не знала, означает ли его молчание, что он согласен с моими родителями. Или что ему не хватает душевной зрелости, чтобы поддержать меня. Он не смог даже ради приличий сказать прямо, что расстанется со мной. Просто... исчез.

Независимо от причин это был ужасный поступок.

Что-то в моем выражении лица, вероятно, подсказало ему, что я чувствую, и он заторопился:

– И когда я начал задумываться о будущем, что я хочу и кого хочу видеть рядом, это всегда была ты. Ты моя девочка.

Мне пришлось признать, я немного оттаяла. Я не хотела, но так произошло.

Затем он снова сунул руку в карман, как будто бы ощущая свою маленькую победу. Он достал коробочку от «Тиффани», и я увидела, что там не кольцо. Я сразу почувствовала огромное облегчение.

Он передал мне подарок, и я нехотя взяла его.

– Это напомнило мне о тебе, – сказал он.

Я открыла коробочку. Там оказался бриллиантовый браслетик. Я затаила дыхание на мгновение от того, сколько карат смотрят на меня одновременно. Он был роскошен.

– Тебе нравится? – спросил Брэд. Он уже знал, что очень. У меня была слабость к большим блестящим камням. Мои родители отняли мои украшения, это было просто, все хранилось в сейфе у мамы.

Блестящие бриллианты завораживали меня, и мне понадобилась пара секунд, чтобы собраться. Вспомнить, кто я и с кем разговариваю.

– И чего ты так добиваешься?

– Ничего! – он вытянул вперед обе руки, как будто сдаваясь: – Я знаю, как сильно я напортачил. Знаю, нам надо будет поговорить о многом и проработать многое. Я хотел попросить тебя об одолжении. Дай шанс этим отношениям. Не уходи насовсем. Думаю, у нас есть будущее. Хочу показать тебе, как я изменился.

– Не верю тебе.

Он вздохнул:

– Думаю, справедливо. Пока что я не давал тебе повода поверить мне.

Я очень хотела поверить. Поверить, что время нашего расставания изменило Брэда и он стал совсем другим человеком. Что все сложится.

А еще мне до смерти хотелось вбежать в гостиную и объявить, что свадьбы Брэнсон-Хантингтон не будет. Ни сейчас, ни когда-то потом. Это окончательно выведет маму из себя.

Я с сожалением провела рукой по браслету последний раз, закрыла коробку и протянула ее назад. Брэд отказался ее брать.

– Это твое. Что бы ни случилось. Ты ничем мне не обязана.

Не было похоже, что я не буду ничем обязана за такой подарок. Кто-то пытается сделать из меня дуручку.

Он подтолкнул коробку ко мне, и я не знала, что делать. Если просто оставить ее здесь, кто-то найдет ее, и мама закатит феерическую драму, к которой я еще не готова.

Или приедет двоюродная бабушка Ида, после чего никто больше не увидит эту вещь.

Я вздохнула.

– Я возьму его сейчас, но с уговором, что верну, когда ты поймешь, что между нами все кончено. Мне не о чем думать. Дверь закрылась. Мы отружили свое, и нам пора в новые отношения. Найти людей, для которых мы истинно предназначены.

Почему у меня в голове всплыло лицо Тайлера? Странно и глупо.

Я знала, что не могу быть с Тайлером. Но я заслуживала найти кого-то не хуже, чем он.

Брэд нахмурился.

– Не уверен, что могу принять такой ответ. Не хочу новых отношений. Хочу, чтобы мы были вместе. Я буду предан тебе. Нам. Ты должна это знать. Оставь браслет себе. Даже если ответ – «нет».

К сожалению, меня не пришлось долго убеждать не отдавать его.

Он сказал:

– Буду продолжать надеяться, что ты передумаешь и ответишь «да». Если уж ничто другое тебя не вдохновит, подумай о том, сколько ботокса наши мамы вкачают в лицо, чтобы стереть мимические морщины, появившиеся от бесконечных улыбок радости за нас. Может быть, ты согласишься хотя бы ради экономии.

Признаюсь, это вызвало у меня улыбку. Совсем ненадолго. Однако нужно соблюдать границы. Я не хотела, чтобы он или его семья преследовали меня.

– Ты можешь не принимать это, но все кончено. Не обязательно говорить нашим семьям прямо сейчас. – Это было эгоистично с моей стороны, но я явно не хотела, чтобы моя мама день и ночь напоминала мне об этом, пока я пытаюсь понять, как жить дальше. – Думаю, для нас обоих будет лучше остановиться на том, что мы не достигли никакого соглашения. – Это не должно быть слишком сложно, ведь он не писал последние несколько месяцев. – Это означает – никаких сообщений, звонков, электронных писем. Так будет проще двигаться дальше.

Брэд прочистил горло, не зная, что сказать. Это было так не похоже на него. Он всегда был так уверен в себе, своем месте в мире и том, что ему ничего никогда не угрожало.

– Хорошо, я могу поступить так. Я хотел бы оправдаться перед тобой, но подожду твоего решения. Я покажу тебе, как я изменился и как предан тебе.

Он нагнулся вперед, намереваясь поцеловать меня. Я шагнула назад и увидела на его лице выражение обиды, смешанной с чем-то еще... злостью?

Он вышел из комнаты. Я оперлась о стол отца, сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Самой логичной ответной реакцией было бы разыскать его, отдать обратно браслет, сказать ему при всех, что между нами все кончено.

Но я сдержалась, потому что знала, что, если скажу, что все кончено, родители не переживут этого. Этот ужин будет моей последней встречей с семьей. Они позвали меня сюда только для того, чтобы Брэд поговорил со мной и передал свое подношение.

Так много планов и надежд на расширение бизнеса и переход в новый слой общества зависели от моего брака с представителем империи Брэнсонов. Если начистоту, Брэд обеспечивал мне уверенность в завтрашнем дне. Если я когда-нибудь устану бороться за себя и захочу вернуться в общество, он – мой билет домой. Если я выйду за него, это сотрет все бунтарство до этого момента. Он был как карточка в игре, дающая право бесплатно выйти из тюрьмы.

Но мне надо было расстаться с этой возможностью. Между нами ничего не могло быть и давно уже не было. Наверное, надо было сказать об этом яснее. Дать ему знать, что не было

никакой надежды, что мы снова будем вместе. Потому что я покончила с ним и нашим токсичным прошлым.

Размышляя, не найти ли его и не сказать ли, что все точно кончено, я услышала голос Ванессы:

– Свадебка намечается? Какого числа?

– Я не помолвлена, – сказала я ей.

Она закрыла за собой дверь кабинета.

– Жаль. – Она погладила живот левой рукой. – Поторопись и обеспечь, чтобы свадьба состоялась. Это твоя единственная задача.

Мне стало неприятно от намека, что моя единственная цель в жизни – выйти за Брэда.

– А если я не хочу выходить за него?

– С каких пор это кого-то интересует? – в ее голосе послышалось раздражение. Я хотела посочувствовать ей, но выйти замуж за Гилберта был ее собственный выбор. – Вы с Брэдом будете отличной командой.

– Не хочу быть в команде. Хочу любви.

Она рассмеялась, и в ее смехе была грустинка:

– Ты ребенок. Лучше быть с тем, кто понимает тебя и твой образ жизни. Кто хочет от жизни того же, что и ты.

Мне стало одиноко от таких мыслей:

– Почему нельзя сразу и то, и то?

– Потому что в реальной жизни бывает только так. Тебе пора повзрослеть и понять это. Исполни свой долг перед семьей и поступи как надо. Твои бунтарские выходки продолжаются слишком долго.

– Если ты не заметила, – сказала я, встряхнув головой, – ты превращаешься в маму. А я всегда думала, что ты достойна лучшего.

Разгневанная Ванесса хотела что-то сказать, но вошел Кофлин с моим пальто в руках.

– Джулио ждет вас, мисс Мэдисон. – Он вручил мне пальто, и я снова хотела поцеловать его в щеку за то, что он спас меня.

Не оглядываясь, я вышла из кабинета, направляясь к черному «линкольну», стоявшему напротив дома. Я поскорее села в машину, пока ко мне не подошел с разговором больше никто из членов семьи, Джулио повел машину по длинной дороге, а я думала, что же замыслила Ванесса.

Какова ее цель? Она пыталась завлечь меня на тот же несчастливый путь, что выбрала для себя? Если она страдает, другие тоже должны?

Или она использовала психологический прием «от противного», пытаясь заставить меня публично расстаться с Брэдом? Зная, как это разозлит родителей? Чтобы ее доля в наследстве составила не тридцать три, а пятьдесят процентов?

Вздыхнув, я откинулась на сиденье машины. Я знала наверняка две вещи: больше в игры Хантингтонов я не играю.

И, несмотря на его надежды, что я одумаюсь, я не хочу возвращаться к Брэду.

На следующий день после занятий Делии надо было остановиться у магазина продуктов, перед тем как подбросить меня домой. Мы прошли витрину с кормом для собак, и я почувствовала гордость за то, что мне удалось покормить и напоить Пиджин утром этого дня. По крайней мере, я так считала, потому что она не вышла ко мне, когда я ее позвала.

Пока я шла за Делией мимо стеллажей с продуктами, мое внимание привлекла коробка макарон с сыром быстрого приготовления. Еще одно блюдо, запрещенное в моем доме, которое я всегда хотела попробовать из-за рекламы.

Когда Делия довезла меня, мне очень захотелось приготовить себе обед самой. Я проверила миску Пиджин – она поела. Я подбросила ей еще и перевернула упаковку сырных макарон, чтобы прочесть инструкцию.

Потому что это все, что надо, когда готовишь, – верно? – следовать инструкции.

Я не знала, что такое сотейник и чем он отличается от обычной сковороды. Но я нашла его изображение на пачке. Выглядело просто: вскипятить воду, поместить макароны и варить до мягкости.

Почему я не попробовала это еще много лет назад?

Ожидая закипания воды, бродила по квартире. До этого я по большей части сидела в своей комнате и у меня было мало возможности исследовать дом. Притом что шарить по комнате Тайлера я сочла против правил, я зато предположила, что вполне можно обследовать общее пространство.

В гостиной был большой выбор самых разных книг. Некоторые были связаны с финансами и похожи на старые институтские учебники. Другие, похоже, были посвящены программированию. Большинство же составляли шпионские романы. Они были потерянные, зачитанные.

Мне это очень понравилось.

Я посмотрела, какие у него фильмы на стойке для дисков под телевизором. Ожидала увидеть шпионские экшен-триллеры, основываясь на его вкусах в литературе, но там оказалось несколько научно-фантастических DVD и парочка видео с музыкальных фестивалей. А еще пара романтических комедий. Хм. Я нахмурилась. Он сам их выбрал или это его бывшая (или настоящая) девушка их оставила?

Кладя DVD обратно на полку, я заметила стопку корешков от квитанций. Оказалось, это оплаченные штрафы за парковку. Мне стало смешно. Очевидно, Тайлер с трудом читал знаки с обозначением разрешенного времени парковки. Внезапно он стал для меня ближе и человечнее.

Почему его незаконные парковки – это так мило?

Я услышала кипение воды на плите, нашла глазами дуршлаг, чтобы потом отбросить макароны, и поставила на огонь сковороду. Перечитала инструкцию. Нужно масло и молоко. Нашла масло... а вот молока не было. Я не знала, насколько это плохо, и забеспокоилась.

Была литровая упаковка шоколадного молока в холодильнике, обдумала вариант. Насколько это все испортит? Я ела на десерт сыр и шоколад много раз... Влила четверть стакана шоколадного молока и добавила сыр из пакетика.

Может, я открыла для себя новое хобби и могла бы стать звездой YouTube. Снимала бы видео о сочетании интересных вкусов основной еды.

И я придерживалась такого мнения, пока не попробовала готовую жижу.

Боль, смешанная с будто бы извергнутым из чьего-то нутра шоколадом и мокрым, свернувшимся сыром. Отвратительный вкус. Я выплюнула все обратно в сковородку.

В кухню прибрела Пиджин, держась от меня подальше по дороге к своей миске.

– Не обращай на меня внимания. Просто издеваюсь над едой! – сказала я ей и поставила сковородку обратно в раковину, чтобы помыть. Я мало что знала о собаках, но где-то читала, что им нельзя шоколад. Не знала, можно ли им давать шоколадное молоко, и не представляла, чтобы Пиджин хотела попробовать эту жуть, лучше подстраховаться.

Телефон завибрировал, и мое сердце подпрыгнуло: сообщение было от Тайлера.

«Как дела?»

Как у меня дела? У меня не было даже базового навыка приготовить себе еду. Но это не то, что можно было написать, ведь он думает, что я все могу. Готовить. Убираться.

Не угрожать собаку.

«Хорошо».

Глубокий, многозначительный ответ!

«Отлично! Напомни Пиджин, чтобы уровень алкоголя в ее крови не превышал допустимый по закону уровень и что у нас вечером комендантский час!»

Я улыбнулась и задумалась, не поднять ли уровень алкоголя в своей собственной крови, но мой испорченный ужин сказался на всей ночи. Мне даже больше не хотелось есть. Мои военные преступления против еды лишили меня аппетита – не знала, что такое вообще возможно. И после того, как с треском провалила миссию повара, я решила, что хотя бы убираться будет не так трудно.

Достала список дел, который Тайлер для меня составил и прикрепил на холодильник, заметила его свежие карандашные пометки со списком обязанностей и снова улыбнулась. Первым в списке значилось: помыть посуду в посудомоечной машине.

Я много раз видела, как Шей загружает посудомойку. Из наших прошлых ссор знала, что остатки еды перед этим надо смывать и класть тарелку так, чтобы поток воды ее равномерно омывал. Это просто. После того как загрузила всю посуду, которую испачкала, я собрала ту, которую Тайлер, видимо, оставил с утра – проснувшись, я ощущала запах бекона, но на проверку в квартире давно не было ни бекона, ни Тайлера.

Взяв с плиты тяжелую сковороду, ее я тоже пихнула в посудомойку. Я знала, что теперь надо добавить мыло. У Шей это был порошок, который хранился в маленьком шкафчике, – но порошка я не нашла нигде. Нашла нечто под названием «Рассвет» синего цвета. Спереди упаковки значилось «жидкость для мытья посуды». Вероятно, Тайлер пользовался жидкостью от этой фирмы. Я не была уверена, сколько надо заливать, поэтому заполнила отсек до отказа, закрыла и нажала на кнопку «старт».

С чувством выполненного долга направилась в гостевую ванную, которая была в основном только моя. Вероятно, ее использовали и другие гости. Интересно, принимал ли Тайлер гостей. Как часто?

Были ли среди них женщины?

Я почистила зубы, стараясь избавиться от привязчивого шоколадно-сырного вкуса на языке. Закончив, пошла в свою комнату, чтобы разобрать оставшиеся чемоданы. Я очень продвинулась в этом деле, но оставалось еще много вещей.

За работой я быстро потеряла счет времени, напевая себе под нос.

Залаяла Пиджин. Я не знала, как это понимать, – Тайлер не упоминал, что значит, если она лает. Это означало, что Пиджин хочет гулять?

Я вышла разобраться.

– Девочка, что ты...

Фраза оборвалась, когда я увидела состояние кухни. Огромные белые пузыри закрыли весь пол, разрастаясь в гору невиданной вышины.

Я была в шоке. Это превратило кухню в летнюю вечеринку трехлетних детишек.

Глава седьмая

Пиджин стояла в столовой, визгливо лая на гору пузырей.

Быстро осознав, что проблема в посудомойке, я подбежала и открыла дверцу. Взрыв горячего пара – и на волю вырвались еще пузырьки.

Но как минимум их производство прекратилось.

Я подошла к шкафу с бельем и стала вытаскивать полотенца. Не знала, как еще вытереть такую пену.

– Пиджин! Выйди, не лезь в кухню!

Я знала, что она не поймет меня, но мне надо было, чтобы она не заходила и не добавляла беспорядка. У меня было ноль идей, как мыть собаку в пене.

К счастью, она осталась стоять на месте и смотрела, как я выкладываю барьер из полотенец между кухней и столовой. Я понимала, что кухонная плитка переживет пену, а вот деревянные половицы в остальных помещениях пентхауса мне было жалко.

Пришлось проявить изобретательность, и я додумалась намочить полотенца, чтобы стереть пену. Помыв пол, я сложила на стол мокрые полотенца. Их придется постирать. К счастью, я знала, как это делается. Живя с Шейлой, я поняла это методом проб и ошибок, потеряв или насовсем испортив пару вещей. (Очевидно, что надпись на ярлычке «только химчистка» была неспроста.)

Пиджин молча наблюдала, как я отнесла стопку полотенец в стиральную машину с сушкой, стоящую возле ванной. Я решила сначала включить полоскание, а потом стирку. Взяла телефон, чтобы понять, в чем ошиблась с посудомойкой. Оказалось, в этих машинах нужно использовать специальное мыло, а жидкость для мытья посуды не подходит. В интернете были даже рекомендации, как мыть машинку после того, как использовал неправильное мыло.

Приободрившись, что я не одна так ошиблась, я достала посуду из посудомойки. Затем добралась до дна и увидела там большую сковороду... заржавевшей.

Наконец я сломалась и позвонила Шей. Объяснила, что произошло, и она, после того как отсмеялась, велела мне прислать фото той сковородки.

– Ты поставила чугунную сковородку в посудомойку? – воскликнула она, увидев мое сообщение.

– Это плохо?

– Очень! То есть ты можешь попытаться что-то сделать, чтобы все исправить, но раз ты ее уже так испортила, лучше просто ему не показывать...

– Конечно, я не хочу, чтобы он видел. – Я была в его квартире всего сутки и уже всю испортила имущество. Это не делало мне чести.

– Тогда лучше купи ему новую. Когда купишь, посмотри, как ухаживать за ней. Эти сковородки не такие, как обычные.

– Зачем вообще покупать что-то, что не помоешь в посудомойке? – спросила я.

– Потому что в ней определенные блюда готовить гораздо удобнее. Это мне придется объяснить тебе потом, сейчас не поймешь. Пора заменить ненужное. И подготовь ее правильно.

Она положила трубку до того, как я успела спросить, что входит в подготовку сковороды. Время исследований.

Затем нашла сковороду на «Амазоне» и была ошеломлена стоимостью.

– Зачем столько платить за сковородку, которую, повторяю, даже в машинке не помоешь?

Пиджин смотрела на меня, склонив голову.

Я запретила себе совершать покупки в интернете, потому что компания «Американ Экспресс» уже отказалась предоставлять мне свои услуги.

Но отчаянные времена и все такое... Я положила сковородку в корзину, ввела свой новый адрес и данные дебетовой карты. Новую сковородку доставят перед приездом Тайлера.

Пиджин продолжила изучать меня на расстоянии. Означало ли то, что она держится рядом, улучшение наших отношений?

– У нас только что было первое совместное приключение, – сказала я ей.

Она брезгливо посмотрела на меня и убежала.

Я вошла в кухню, чтобы как следует помыть посудомойку. Затем надо помыть пол. Моя первая самостоятельная ночь стала чистой катастрофой, и вместо того, чтобы сэкономить, мне пришлось потратить накопления, чтобы исправить свою ошибку.

Теперь все должно пойти на лад.

На следующее утро я последовала совету тети и ознакомилась в интернете с предложением дилерского центра «Арес». У них было несколько машин с небольшим пробегом, согласно сайту, бывших в эксплуатации всего год. В обед я зашла в свой банк, чтобы узнать, что могу себе позволить. Тот же банк использовали мои родители для личных и рабочих целей, и, когда менеджер озвучил хорошее на вид предложение автокредита, я предположила, что это было с целью порадовать моих родителей. Я могла осилить платежи при условии, что прекращаю заказывать доставку еды, учусь готовить и покупать продукты в супермаркете, но для моей независимости я готова была пойти на этот компромисс.

Когда Делия подвезла меня до квартиры, я дала ей денег на бензин, как всегда в конце недели.

– Это последний раз, – сказала я ей. – Уже завтра я буду гордой обладательницей машины.

– Молодец, – сказала она, но в ее интонации было недоверие. – Тебя подвезти в дилерский центр?

– Нет. Шей подвезет меня и защитит от обдирательства. – Я не думала об этом, пока в интернете не стали появляться многократные предупреждения, что продавцы машин обманывали наивных женщин-покупательниц.

Мы помахали друг другу на прощание, и я вошла, проверяя телефон, чтобы посмотреть, не продали ли еще машину, которую я хочу. Это была миленькая черная «хонда». Я подумала, что лучшая защита – нападение, и узнала все, что только можно, про машину. Рыночная цена, сколько дилер накинул сверх нее, что мне стоит им предлагать. Шей поддержит меня, но сделку я хочу провести сама.

Иметь свою машину стало для меня важным символом, даже больше, чем иметь квартиру. Это было доказательством, что я могу жить самостоятельно в реальном мире, а мама обвиняла меня в неспособности содержать себя самой. Машина – это свобода и полная независимость. Можно заправить ее и поехать куда хочу. Не то чтобы я собиралась поехать, потому что мне придется работать, чтобы оплатить эту машину, но это было принципиально. Знать, что могу.

Меня ожидали сразу два праздника: в тот же день из Нью-Йорка возвращался Тайлер. Я была так рада увидеть его снова. Я вошла в холл, и Джеральд подозвал меня, чтобы вручить сверток. В нем была сковородка, доставка опоздала на день. Я почувствовала облегчение, что она наконец пришла, я уже посмотрела два видео о том, как ухаживать за новой сковородой, так что все было готово.

Надеюсь, Тайлер не заметит.

В уме я прокручивала список дел на вечер. Я не хотела готовить или убираться, предпочла бы принять горячую ванну, выпить бокал вина или даже всю бутылку под какое-нибудь телешоу и съесть шоколадное мороженое.

Телевизор и книги всегда утешали меня. Полагаю, я смотрю больше ТВ, чем другие сочтут нормальным. Если бы «Нетфликс» был человеком, я бы пригласила его на свадьбу, так

плотно мы знакомы. Когда я узнала, что у Тайлера есть видеомагнитофон, я чуть не закричала от радости. Я оставила синюю клейкую записку на его двери с просьбой разрешить записывать на него свои шоу, если это не мешает просмотру его шоу.

Я вздохнула, когда за мной закрылись двери лифта. Работать весь день тяжело. Почему никто не сказал мне этого? Я бы не изменила жизненный выбор, но хотя бы была подготовлена.

Пиджин стала здороваться, когда я прихожу домой. На расстоянии, но уже прогресс. Мне нужно было, чтобы она хорошо ко мне относилась, пока я живу здесь.

Сегодня она не вышла меня встречать. Я оставила сверток на кухне и пошла в свою комнату. К моему удивлению, Пиджин была там. Она лежала в ногах кровати. Это что-то новенькое. Я поздоровалась с ней и сбросила туфли, быстренько закрыв шкафчик, чтобы собака не достала их. Надела штаны для йоги и футболку и вернулась на кухню заметать следы. Пиджин пошла за мной на расстоянии вытянутой руки.

Я разворачивала сковородку, когда услышала громкий звук, как будто что-то упало. Он донесся из спальни Тайлера.

Моя первая мысль была: *О нет! Он узнает, что я сделала со сковородкой!*

Вторая, радостная: *Тайлер дома!*

Не зная, сколько у меня осталось времени, я намазала сковородку маслом и поставила на плиту, чтобы оно впиталось. Я затаила дыхание, надеясь, что он не поймает меня до завершения. Надо было спешить.

Послышался еще один громкий звук, похожий на треск. Как будто упало что-то тяжелое.

Я выкрикнула:

– Тайлер? – и подождала пару секунд. Ответа не последовало.

Рядом со мной заскулила Пиджин.

Теперь я волновалась. Это было странно. Я снова позвала Тайлера. Снова молчание.

Что, если у нас грабители? Вероятность мала, так как внизу Джеральд. Я прошла по коридору в комнату Тайлера, постучала в дверь.

Нет ответа.

Что, если он упал и ударился головой? А если он задыхается и ему нужно искусственное дыхание, а я тут просто как дура стою за дверью? Я снова постучала и позвала по имени. Повернула ручку. Дверь не заперта.

– Тайлер? – я приоткрыла дверь.

Первым, что я увидела, была безумно красивая женщина с густыми черными волосами. Она лежала на кровати и, как учебник, читала журнал для невест.

Второе, что я заметила: на ней было настолько эротичное белье, что она будто перепутала комнату Тайлера с кабинетом гинеколога.

Я поняла, почему Шей не во вкусе Тайлера. Потому что ему нравились экзотичные создания модельного вида, совсем не похожие на живых женщин.

На ней были наушники, что объясняло, почему она не услышала меня. Она вытаскивала один, когда я сказала:

– Прошу прощения! Извините! Не хотела вас прервать... что бы это ни было.

Я быстро закрыла дверь и скрылась в своей комнате. Это научит меня не соваться в его спальню без приглашения. Я прокляла часть моего мозга, связавшую слова *приглашение*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.